

Ниже вы найдете наброски первых глав моей книги о буканьерах и флибустьерах, которую выпустило "Эксмо/Яуза" в начале февраля 2008 года под названием "Флибустьеры против пиратов Карибского моря", и под моим авторским псевдонимом Леонар Дюпри. Однако эти черновики размещены на "Веселом Роджере" еще в октябре 2006 года.

[Максим Жаров](#)

ИСПАНСКОЕ МОРЕ. ФЛИБУСТЬЕРСКИЕ ХРОНИКИ (1654-1655 гг.) Пролог

Поздней осенью 1708 года наш славный Пикардийский полк, в котором я имел честь быть тогда лейтенантом второй роты первого батальона, стал на зимние квартиры в Дьепе. Затем наступила эта ужасная зима с невиданными морозами, уничтожившими многих бездомных и бродяг, которые замерзали на улице целыми сотнями. К тому же неудача, до этого постигшая нашу армию во Фландрской кампании, самым тяжелым грузом легла на наши души. Из-за этого наш старый добрый король должен был пойти на огромные уступки в переговорах с врагами. Но те были ненасытны, требуя все больше и больше. Всю зиму наши дипломаты пытались договориться о перемирии и открыть мирную конференцию. Нам же, простым офицерам было до глубины души обидно, что возложенные на нас королем надежды, мы никак не можем оправдать. Из-за постоянных неудач на фронтах, наш старый монарх вынужден чуть ли не унижаться перед неприятелем, чтобы остановить слишком затянувшуюся войну, названную Война за Испанское наследство, а сейчас высасывающую из нашей доброй Франции последние соки.

Несмотря на то, что многие офицеры нашего славного полка, покинули дислокацию части, и на зиму отправились, кто в Париж, кто в свои имения, я решил остаться в Дьепе. По правде сказать, ехать мне было особенно некуда, да и развлекаться в эту тяжелую зиму не хотелось. Возможно, меня больше других угнетало чувство вины, за постоянные проигрыши нашей армии. Мои мысли были только об этом. Как победить врага, что мы делаем не так, кто виноват в наших поражениях. К тому же и старые раны давали о себе знать. Мой капитан был рад оставить меня приглядывать за своей ротой. Я жил на хорошей квартире в центре, был вхож в лучшие дома, а местное высшее общество, которое гордилось тем, что в их городе расквартирован столь знаменитый пехотный полк, один из самых старых и уважаемых подразделений Франции, наперебой приглашало меня на различные светские рауты. На них все проходило как обычно,

молодежь танцевала, а старшее поколение обсуждало военные вопросы и политику за рюмкой ликера, поэтому чувство вины у меня там обострялось еще больше. Трудно описать, что творилось у меня на душе, но развлекаться с местными дамами мне не хотелось. Не то чтобы я был женоненавистником, просто в эту суровую зиму, когда страна почти голодала, любой флирт казался мне чуть ли не кощунством. Словом я был в глубокой меланхолии, и несмотря на свои молодые годы, вскоре почти перестал посещать подобные вечера, сказавшись больным, и целиком отдался чтению книг. Я стал завсегдаем местной книжной лавки, и вскоре долгими зимними вечерами перечитал все самое интересное. Среди этого мне попала небольшая занимательная книжеца, напечатанная в Париже в издательстве Жака Лефевра "Histoire des aventuriers flibustiers qui se sont signales dans les Indes". В ней рассказывалось о страшных флибустьерах, которыми ранее кишели моря Нового Света, об их жизни, повадках, обычаях, знаменитых капитанах и их невероятных приключениях. На фоне остальной мало впечатляющей галиматши, эта книга тогда показалась мне самой яркой. Но не только чтение было в ту зиму для меня самым главным проведением досуга. Я вел дневник. Но чтобы было что туда записывать, приходилось гулять по окрестностям, заходить в порт смотреть на корабли, ходить по берегу моря, вдыхая его холодный соленый аромат, всматриваться в горизонт, за которым жила своей жизнью та враждебная всем французам страна, войну с которой мы никак не могли выиграть, словом делать все то, что нужно для полноты ощущений.

Однако вскоре этот маршрут мне наскучил, и я стал расспрашивать хозяина своей квартиры о местных достопримечательностях. Он посоветовал мне посмотреть на алтарь монастыря кармелитов, полюбоваться видом с маяка, побывать на смотровой площадке ратуши и на батареях портового форта. Поскольку на званых вечерах я был представлен всем мало-мальски известным горожанам, я без труда получил разрешение, а затем и доступ во все эти места. Последним я осматривал укрепления портового форта. Его комендант господин Жан де Вейан, с которому я также был представлен на одном из местных вечеров, рассказал об истории береговых укреплений Дьепа, о сражениях, которые разыгрались под его стенами, и вообще оказался довольно милым и забавным человеком. После столь увлекательной беседы господин де Вейан предложил мне отобедать с ним, в чем я никак не мог ему отказать, поскольку он был очень располагающим к себе человеком. Комендант признался мне даже в том, что свою должность купил после того, как был ранен пушечным ядром, которое чуть не оторвало ему ногу.

После обильного, но не очень изысканного ужина, я уже собирался было уходить, и чтобы как-то прервать нескончаемую болтовню своего гостеприимного хозяина, сделал ему комплимент.

- Господин де Вейан - вы очень хороший рассказчик, но к сожалению, мне уже пора...

- Ну что вы, что вы, голубчик. Мы еще не попробовали моего десертного вина, которое вы непременно должны оценить. К тому же я вдруг вспомнил об еще одной достопримечательности нашего города.

Тут-то де Вейан и рассказал мне о некоем старом моряке капитане в отставке Пьере Маре.

- Вот кто замечательный рассказчик, и редкой судьбы человек. Вам непременно стоит с ним познакомиться

- Что же представляет интересного из себя этот Пьер Маре?

- Как? Вы никогда не слыхали о нем? Ведь он же был флибустьером, всю жизнь прожил в Вест-Индии, где плавал под знаменами самых великий пиратов тех краев.

Заинтригованный, я сразу вспомнил книгу, которую случайно купил в книжной лавке, и повествующую о властелинах Флибустьерского моря. В надежде услышать прочитанное там имя, я переспросил о том, как зовут этого славного капитана. Однако его имя я так и не смог вспомнить. Скорее всего оно там отсутствовало. Поэтому я поинтересовался, где же мне найти этого человека, который стал уже живой достопримечательностью города.

- Ой ля-ля. Это очень просто. Он каждый вечер в кабачке "Ржавый якорь", что в порту, и рассказывает свои нескончаемые истории всем желающим. А еще брюзжит на все от всей души.

Посидев еще для приличия, и все же отведав обещанного десертного вина, я вскоре откланялся, горячо поблагодарив коменданта за столь радушный прием.

На следующий день я отправился в этот погребок, где без труда нашел последнюю достопримечательность Дьепа - "живого пирата". Войдя в "Ржавый якорь", я, как не странно, не увидел матросского притона, как предполагал. Наоборот, с первого взгляда все было чисто и аккуратно. Видя, что заведение посетил офицер, ко мне сразу же подскочил хозяин, сказав, что для него большая честь принимать у себя лейтенанта Пикардийского полка, и чем он может быть мне полезен. Должен заметить, что мне весьма польстило, что мундир пикардийцев знаком даже в портовых кабаках. Я сказал, что разыскиваю капитана Пьера Маре. Любезный кабатчик сразу же подвел меня к некому пожилому, но еще весьма крепкому человеку, сидевшем за отдельным столом и пыхтевшему трубкой, и когда я подошел, вопросительно поднявшим на меня глаза.

- Разрешите представиться, барон де Бац, лейтенант королевского Пикардийского полка, расквартированного на зиму в Дьепе.

- Да? Очень рад. А меня зовут капитан Маре. То есть капитан королевского флота в отставке Пьер Маре к вашим услугам. Садитесь мессир, чем могу быть полезен? Эй, хозяин, принеси своего лучшего вина. Итак, чем обязан?

- Видите ли, капитан, комендант портового форта господин де Вейан сообщил мне, что вы самый лучший рассказчик, которого он когда-либо знал. К тому же он сказал, что вы долго жили в Вест-Индии, где даже были... гм... как он сказал, пиратом, или что-то в этом роде. Дело в том, что я недавно прочел книгу о флибустьерах Нового Света, которая, признаться, меня потрясла. Вот я и решил узнать все из первых уст. Конечно если вы не откажете мне рассказать о своих приключениях, поскольку, говорят, что вы обильно угощаете этим блюдом всех желающих.

Капитан, которому было наверное за семьдесят, и чье обветренное лицо, истертое ветрами, изборожденное морщинами и иссеченное шрамами, совсем не казалось приветливым. Прищурился он сказал с холодком:

- Я очень польщен вниманием столь блистательного молодого офицера к своей скромной персоне, но будет ли интересно вам, барон, человеку сухопутному, слушать морские рассказы. Да и будут ли они вам понятны. К тому же вы меня немного обижаете, называя пиратом, хотя тут нет вашей вины. Это все добряк де Вейан, который, как и большинство сухопутных, не видит разницы даже между капером и корсаром. Нет, должен вас разочаровать, пиратом я не был. Иначе как бы я стал капитаном королевского флота? Не думаете же вы, что среди офицеров там сплошные

морские разбойники?

- Конечно же нет. И примите мои извинения, если я вас задел по случайности...

- Не нужно. Хотя я и отставной капитан, но не настолько хорошего происхождения, чтобы иметь особую врожденную щепетильность. Надеюсь, вы меня понимаете...

- Да, конечно. Но позвольте спросить, как вам удалось стать капитаном флота, если вы... не дворянин... Насколько я знаю, это весьма редкий случай.

- Тут нет ничего необычного. Тот, кто вырос у моря, всегда лучший моряк, чем тот, кто вырос в горах... Извините, если я невольно задел вас...

- Нет, нет, ничего. Если я и гасконец, то только по крови. Родился я в Париже и был у себя на исторической родине лишь раз. Да и вообще мое имение тут, так что я скорее пикардиец, чем гасконец.

- Я тоже пикардиец. Это нас роднит, тем более, что вы служите в полку, носящем это же славное имя. Если мне не изменяет память, Пикардийский пехотный был составлен из вольных крестьян-пикинеров еще при прошлом царствовании в 1642 году, и является старейшим регулярным военным подразделением Франции. Если, конечно, не считать отрядов телохранителей дома короля.

- Вы совершенно правы, капитан Маре. И я, признаться, даже удивлен таким знанием истории моей части.

- Я же сказал, вам, что я тоже пикардиец. Если хотите знать, то в молодости отец хотел меня отправить служить именно в этот прославленный полк.

- Тут я должен вас огорчить, господин капитан. В наше подразделение нельзя попасть новобранцам. К нам поступают лишь уже проверенные в боях заслуженные солдаты, поскольку мы числимся первым негвардейским полком, и возглавляем список семи самых старых полков Франции, так называемых "стариков".

- Молодой человек, времена о которых я говорю, были почти шестьдесят лет назад, когда вашему полку отроду было не больше десяти лет. Тогда не существовало никаких "стариков", и попасть туда было гораздо проще. Уж поверьте мне. А поскольку, как я уже говорил, родился и вырос я именно в Пикардии, то этот полк принял бы меня с распростертыми объятиями. Но мы отвлеклись. Вы говорили, что прочли какую-то книгу?

- Видите ли, капитан, в Дьепе на зимних квартирах у меня не такой уж большой выбор в развлечениях, поэтому я стал завсегдаем местной книжной лавки господина Мориа, где однажды купил книгу "История флибустьеров" написанную неким капитаном, кажется Эсквемелином, долгое время жившим среди пиратов в Вест-Индии, и описавшим их обычаи и нравы. Признаюсь, что меня она сильно увлекла. А тут господин комендант портового форта господин де Вейан, рассказал мне, что вы также долгое время жили в тех краях, и что являетесь непревзойденным рассказчиком самых необыкновенных историй.

- Как вы сказали, Эсквемелин? Странно, но я никогда раньше не слышал про такого капитана, хотя не один десяток лет бороздил моря Вест-Индии. Значит, он написал книгу. Забавно, как любил говаривать Рок Бразилец. И что же в ней?

- Описание диких нравов местных жителей, которых он называет то буканьерами, то флибустьерами. Рассказы про ужасных самых известных их капитанов, про их кровавые дела, про огромную добычу, которые они получали при ограблении испанских колоний. Признаться, захватывающее чтение.

- Вот как. Интересно, а он не упоминает там некого капитана по прозвищу Олонезец или капитана Пикардийца?

- Кажется да. А вы тоже их знали?

- Не то слово. Я и есть тот самый капитан Пикар. Такое прозвище мне дали в колониях потому, что я был родом из Пикардии.

Я с нескрываемым удивлением посмотрел на старика, сидящего за стаканчиком вина, и пытящего своей трубкой. В моей голове всплыли картины описанных событий с участием капитана Пикара, которые еще не успели выветриться из моей молодой памяти. Боже мой, не может быть.

- А знаете что, господин барон, не могли бы вы дать мне почитать эту книжицу. Хотя я и не любитель чтения, но уж больно интересно, что может написать обо мне человек, которого я не только ни разу не видел, но о котором никогда и не слышал.

Его губы, не выпуская мундштука трубки, вдруг немного разошлись в сторону, что скорее всего означало некое подобие улыбки, или: я буду вам очень признателен, но не хочу показывать этого. Один глаз морского волка в отставке при этом прищурился, показывая важность просьбы, а другой блеснул искрой некой заинтересованности.

- Только при одном условии, - нашелся я. - Вы сейчас же расскажите, как вам удалось стать капитаном.

В колючих глазах собеседника я уловил некое тепло и даже благодарность.

- Все очень просто. Я заработал свой чин личной доблестью и большими услугами, которые оказал короне за океаном. Нужно вам заметить, что там дворян гораздо меньше, чем во Франции, поэтому и выслужиться простому смертному легче. Хотя и во Франции я знаю несколько человек не самого благородного происхождения, которые не только получили офицерский патент, но и дворянство. Взять хотя бы покойного командира эскадры Жана Бара, или ныне здравствующих генерал-лейтенантов военно-морского флота Рене Дюге-Труэна или Жана-Батиста Дюкасса..., а покойный Абраам Дюкен, чьи славные дела на море ныне продолжают два его племянника. Если хотите, то я могу привести пример и среди сухопутных войск. Например, семейство Магонтье...

- Да, да, я знаком с одним из них. Это Пьер де Магонтье. Он был первым капитаном полка Разильи...

- Ну вот видите. Наш добрый король знает о тех, кто проливает кровь на благо Франции, и никогда не оставит их без награды. Поэтому королевская милость не обошла и меня. Кроме патента на чин капитана мне была дарована и грамота на дворянство.

- Но какие же подвиги вы совершили, что смогли подняться столь высоко по служебной лестнице?

- Ха! Мои подвиги, и тем более карьера, меркнет перед тем, что совершали другие, добывая себе шпагой не только дворянство, но и маршальские жезлы и даже ордена. Не нужно преувеличивать моих заслуг, молодой человек. Я просто всю жизнь воевал в колониях, а все тамошние дела не так на виду, как местные, европейские, хотя от этого не становятся менее рискованными или славными. Если хотите, извольте. Я вам расскажу.

- Конечно, хочу, но видите ли у меня будет к вам еще одна просьба...

- Какая? Говорите. Я вижу, вы славный молодой человек. Тем более, что для тех кто сейчас проливает свою кровь во Фландрии, чтобы не пустить маршала Мальборо и принца Свойского к нам в Пикардию, не может быть отказа.

- Я бы хотел по ходу вашего рассказа делать пометки, чтобы потом все это записать, а впоследствии, возможно, и опубликовать.

- Конечно записывайте, в чем дело. Только хотите знать мое мнение? Правда никому не нужна. Народу нужна клюква, и чем развесистей она будет, тем лучше. Людям больше по душе самые невероятные сказки и вымыслы. И чем они более нелепее, тем скорее они в них верят. Это все из-за того, что народ в своем большинстве предпочитает не иметь

собственного мнения. Так выгоднее, да и думать не нужно. Люди довольствуются шаблонами, которые для них придумывают другие - это красное, а это - белое. Никто не замечает, что зачастую это не так, поскольку это не подвергают сомнению. Всех волнует не правда жизни, а собственный желудок, ради которого и глаза закрыть не грех. А если им на это указать, они скажут: да я просто живу, а об этом вообще не думаю, это не мое дело.

Однако несмотря на противоречивое отношение к моим предстоящим записям, мы все же договорились с капитаном Маре о встрече на следующий день. Возможно он действительно был обрадован вниманием, которое я проявил к его прошлому, а может быть действительно хотел рассказать правду хотя бы мне. В связи с чем, я старался записать как можно более подробнее те места, которые меня особо интересовали. Несмотря на то, что капитану уже давно перевалило за 70, он хорошо и в таких подробностях помнил о своих приключениях в колониях, что я диву давался, как все эти дела давно минувших дней так хорошо могли сохраниться в голове у уже престарелого человека, и к тому же до сих пор любящего отдать должное Бахусу.

- Вы знаете, что творится сейчас? Эти болваны решили стереть даже саму память о флибустьерстве. Все чаще и чаще я встречаю на картах вместо Флибустьерского моря - Карибское. Разве можно нас сравнивать с горсткой дикарей? Да и чем, собственно, прославились эти карибы? Неужели их подвиги и слава может затмить нашу? Если так и дальше пойдет дело, то скоро нас будут называть ненавистным словом "пираты". Я уже вижу как какой-нибудь осел напишет книгу о нас, полную вымысла, и назовет ее "Пираты Карибского моря". И еще хуже, она будет иметь успех, поскольку народу все едино. Поэтому, если вы действительно хотите написать правду о флибустьерстве, то дайте мне слово, что озаглавите свою книгу по крайней мере "Флибустьеры Испанского моря".

При каждой нашей новой встрече, капитан Маре неизменно начинал свой рассказ с разного рода брюзжания, критиковал все рассказы про Вест-Индию, а особенно ту книгу, которую я дал ему почитать. С весьма нелюбезными ругательствами он всякий раз доставал ее из большого кармана своего камзола, грохал об стол, так что шаталось все, что на нем стояло, снова и снова высказывая свое мнение.

- Многие книжечки о Вест-Индии, например вот эта, написанная якобы очевидцем, до краев наполнены откровенным бредом, который виден любому здравомыслящему человеку. Но поскольку люди свято верят в то, что читают, издателям остается только множить эту галиматью еще и еще, всякий раз добавляя очередные небылицы. Знаете, как это делают кумушки на рынке. Если так дело пойдет, то эти басни того гляди

останутся в веках, а о том, что было на самом деле никто и не узнает. Знаете, что? Я уже много лет рассказываю правду о флибустьерах, и очень рад, что вы обратили на эту тему свое внимание. Признаться, мне бы очень хотелось, чтобы люди наконец-то были в курсе о тех отчаянных ребятах, среди которых я жил и сражался почти всю свою жизнь, начиная с юности. Но почему-то какое-то дальнейшее чувство мне шепчет, что в это никто не поверит, так как всем трудно будет расстаться со своими шаблонами. Впрочем дело ваше... и их тоже. Как у нас говорилось, дурак умрет дураком, а герой героем.

Мы встречались каждый день в "Ржавом якорь", который оказался любимым местом офицеров военно-морского флота, из-за его приличных вин и отменной кухни. Иногда, чтобы послушать рассказы Пикара собиралась целая компания. Я старался не упустить ничего важного, а потом переписывал все это на чистовик, чтобы более близко передать неповторимый колорит его речи. Не знаю, как у меня это получилось, но на данный момент записки выглядят довольно сумбурно. Возможно это все из-за того, что каждый вечер капитан Пикар рассказывал какую-нибудь новую историю, которые я, уже по своему усмотрению, укладывал, как мне удобнее. В более или менее хронологическом порядке.

Я так увлекся записью воспоминаний старого моряка, что зимнее время в Дьепе для меня пролетело совсем незаметно. Наступала весна 1709 года, а вместе с ней передислокация, прием подкрепления, и новая военная кампания, о которой я еще возможно напишу. А пока центральную часть моего дневника занимает не собственная история, а описание походов некоего юноши, будущего грозного капитана флибустьеров Пьера Пикара, ныне отставного капитана королевского флота, прожившего удивительную жизнь в южных американских морях, полную опасностей и приключений.

Возможно только о них я и поведал бы читателю, если бы не одно странное обстоятельство. Дело в том, что чем больше я слушал рассказы капитана в "Ржавом якорь", тем больше убеждался в том, что кое-что из них непостижимым образом кажется мне уже знакомым. Это чувство преследовало меня несколько дней, пока я не вспомнил, что однажды мне в руки попала довольно странная тетрадь с записями какого-то испанского офицера. Кажется это было года два назад во время наших боев около... не то Самюра, не то Лилля... Словом после того, как наш полк выбил из какой-то деревушки австрийцев, в одном из домов, где я со своим слугой Франсуа разместился на постой, были обнаружены вещи предыдущего постояльца испанского офицера. Скорее всего он погиб в сражении. Среди пары шляп, дорогих пистолетов, старинной шпаги из толедской стали, я нашел потертую тетрадь с записями. Хотя я и довольно хорошо знаю испанский,

я бы все равно никогда бы не стал читать чужой дневник. Но просто листнув его, я увидел, что он написан почему-то на французском. Я заинтересовался именем хозяина, которое без труда отыскал - дон Педро Антонио де Кастро граф де Пенальба. Странно. Почему человек с испанским именем пишет по-французски, подумал я, и чтобы выяснить это, отбросив предрассудки, углубился в чтение записей. Оказалось, что этот дон Педро вовсе не испанец, а фламандец, и его настоящее имя Пьер де Кастро граф де Пенальба. Но хотя он родился и вырос во Фландрии, его отцом был испанский дворянин, титул которого он впоследствии и взял. Прочитав немного дальше я понял, что автор в свое время побывал в Вест-Индии, и описывал то, что с ним там произошло. Тогда мне это показалось скучным, и я не стал читать дальше, однако непонятно почему, сохранил, и возил с собой тетрадь, впрочем как и пистолеты, и редкий по красоте и прочности старый толедский клинок.

Вспомнив все это, я не без труда с помощью моего слуги Франсуа отыскал тетрадь в своих вещах и снова принялся за чтение. К своему огромному изумлению, я обнаружил, что рассказы капитана Пикара почти полностью совпадают по времени и месту действия с записками испанца. Не веря своим глазам, я еще раз сверился со своими записями, и увидел, что Пикар и этот испанец в Вест-Индии действительно были свидетелями почти одних и тех же событий, но только с противоположных сторон. Конечно, я не историк и не профессиональный литератор, но все же я понял, что у меня появилась редкая возможность описать одну и ту же историю глазами двух разных очевидцев.

Вспоминая брезгливое отношение капитана Пикара к книгам типа "История флибустьеров" (в английском издании "Букарьеры Америки"), которая была написана якобы очевидцем, и все его разговоры вокруг слишком большого вымысла в ней, я понял, что мне представился небывалый случай написать первую правдивую книгу о флибустьерах. Только из-за этого я взялся за перо, хотя и предвижу, что это не всем может понравиться. Чтобы придать этим записям более литературный вариант, мне пришлось разбить все истории на главы и добавить диалоги.

Итак, ниже я хочу представить то, что получилось от смешения рассказов капитана Пикара, и тех записок незнакомого мне испанского графа, которые случайно попали мне в руки. Словом два разных взгляда на одни и те же события произошедшие в Вест-Индии лет 50 назад. Для того, чтобы читатель не запинался, я по ходу действия буду пояснять, какая глава относится к рассказам капитана Пикара, а какая к запискам графа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из записок графа Пенальбы

При рождении я получил громкое и славное испанское имя - дон Педро Франсиско Фернандес де Кастро, хотя родился и вырос во Фландрии. Дело в том, что мой отец дон Франсиско Фернандес де Кастро де Валенсуэла граф де Пенальба принадлежал к одному из самых известных родов в Испании, и был знатным андалузцем, а мать принадлежала к старинной бургундской знати. Имение отца в Испании, то есть наша родовая вотчина, деревня Пенальба находилась рядом с имением Фуэнтес, которое принадлежало аристократическому роду Гусманов. Отец хорошо знал и дружил с отпрысками этой славной фамилии грандов, в том числе с доном Хуаном Карлосом де Гусманом маркизом Фуэнтес, вместе с которым плечом к плечу сражался во Фландрии, и в полку которого был капитаном. Во время одной отчаянной атаки дон Хуан, гарцевавший впереди строя, был смертельно ранен, и через день умер на руках у моего отца. Этот Гусман, мир его праху, был из знаменитого рода Медина-Сидония, поэтому его наследником стал дон Гаспар де Гусман герцог де Медина-Сидония. Однако этот вельможа не хотел отправляться во Фландрию, чтобы встать во главе доставшегося ему по завещанию пехотного полка, набранного и содержащегося на деньги его покойного кузена. Так мой отец стал полковником.

Однажды отца вызвали в Брюссель, где он получил предписание выехать в Мадрид. Затем пришло письмо, где он информировал меня и мать, что срочно отбывает к новому месту службы в Западные Индии. Хотя граф неоднократно писал нам потом, и приглашал приехать к нему, сделать это было никак невозможно. Матушка была слишком больна, и не было никакой надежды на ее выздоровление. Я писал об этом отцу, но он отвечал, что не может бросить доверенную ему важную миссию в колониях, и просил позаботиться о матери. Каюсь, но в те юные годы я не мог все время сидеть у изголовья медленно увядающей. Во мне кипела жизнь, которая входила в противоречие с надвигающейся смертью.

Особой моей страстью было фехтование, которым я начал заниматься с шести лет. Сначала с камердинером Николасом, потом с отцом, а после его отъезда с разными учителями, которых в Брюсселе было предостаточно, в том числе и заезжих. Это была единственная отдушина, поскольку из-за болезни матери я не мог поступить на службу в армию, хотя меня и приглашали волонтером. Через два года матушка скончалась. После этого я бы мог начать ту военную карьеру, к которой рвался уже много лет, но вдруг снова получил приглашение от отца приехать к нему в Новый Свет. Затем еще несколько писем, где он настойчиво просил оставить Европу и дать ему возможность обнять меня. Я, по правде сказать, не очень рвался за океан, ведь война была совсем близко, о чем и писал отцу. Однако дон Франсиско становился все настойчивее и настойчивее,

заманивая меня безграничными возможностями, которые открываются для карьеры молодого дворянина за океаном, где у него, к тому же, имеется отец на довольно высокой должности. В конце концов, через пару лет уговоры возымели свое действие, и после участия в качестве волонтера в одной из кампаний, я твердо решил порвать с Европой, и отправиться в Америку.

Меня сопровождал мой старый камердинер Николас, занимавшийся с детства моим воспитанием. Он был валлоном, бывшим солдатом, служившим то французам, то испанцам, то голландцам. А чему может научить отставной вояка, только хорошо сидеть в седле, прилично стрелять, да ловко управляться шпагой, что он и сделал. Собрав в дорогу денег и еды, и поручив оставшееся хозяйство на нашего управляющего Лоренса, мы быстро добрались до Дюнкерка. В то время этот порт еще принадлежал королю Филиппу IV, впрочем как и вся Фландрия, Артуа и Эно, поэтому сесть там на судно идущее к берегам Испании, не составило труда. Нужно признать, что плавание предстояло довольно опасным, но знаменитые каперы и приватиры Дюнкерка, служащие верой и правдой Его Католическому Величеству, не боялись ничего. Они то и дело приводили в порт захваченные французские и английские суда, да и вообще были настоящими хозяевами в Ла-Манше. Тот день, когда мы добрались до Дюнкерка, не стал исключением.

- Что за суматоха, любезный? - спросил я у бегущего буржуа.

- Как, вы не знаете? Да это капитан Жак Фонтанж привел в порт пару французских кораблей.

- А... Простите, кто это... Жак Фонтанж?

- Странно, с виду вы наш, да и разговариваете как фламандец, а не знаете самого знаменитого нашего капера? - сказал буржуа, с недоверием посмотрев на меня. - Уж не шпион ли вы?

- Мой господин приехал из далекой провинции, так что не знает героев моря, - вступился за меня мой камердинер. - А ты, братец, лучше держи язык за зубами, если не хочешь хорошей трепки. Не дай Бог мой горячий господин подумает, что ты хотел его

оскорбить...

- Что вы, что вы..., - только и молвил буржуа, скрывающийся в переулке, часто оглядываясь.

- Зачем ты так Николас, неужели я сделал бы что-нибудь плохое этому милому прохожему, который теперь будет думать, что все приезжие из провинции молодые дворяне грубы и неотесанны, и только и мечтают о том, чтобы проткнуть его толстый живот.

- Просто я слишком хорошо знаю вашу милость. Чуть что вы хватаетесь за шпагу, которой орудовать вас научил еще ваш батюшка, да и я имел неосторожность преподать вам пару уроков. Словом если бы вы не посещали курсы того заезжего сумасшедшего итальянца, я был бы более спокоен. Но этот чертов миланец научил вас такому, что идет вразрез со всеми нормальными представлениями о шпаге. Похоже, что вы среди его пары учеников были самым впечатлительным. Никто, кроме вас не воспринял его уроки так близко к сердцу. А поскольку вы уже не раз применяли его несуразную манеру фехтования на практике, я делаю вывод, что вам заколоть оскорбителя, также легко, как принять причастие.

- Напрасно ты строишь из меня матёрого бретера, - сказал я Николасу. - Мне не так много лет, чтобы владеть шпагой безукоризненно. Так что, я не очень-то обольщаюсь по этому поводу. Уж, поверь.

- Хорошо, что вы понимаете это, молодой господин. Да вот только тому, кого вы протыкаете, нет дела до всего этого. Я же видел, как после уроков у этого проклятого итальяшки, вы обставили всех в фехтовальном зале мэтра Туше в Брюсселе. И неважно, что вашу манеру признали неправильной и отвратительной, и даже выгнали вас с курсов. Вы все равно всех победили, а это и есть самое главное на войне, когда ставкой является жизнь. Так зачем врать самому себе?

- Мой старый добрый Николас. Не хочешь же ты уверить меня, что я в свои 18 лет уже достиг высшего мастерства в фехтовании?

- Нет, молодой господин. Я не могу назвать эту дьявольскую манеру драться на шпагах, которую вы переняли от этого безумного монаха-иезуита, приехавшего с Востока, фехтованием. Это бой без правил, и наследнику такой знатной фамилии как Кастро, совсем не к лицу такая манера. Однако, как старый солдат, я понимаю, что во время сражения никому нет дела до того, в какой школе фехтования вы обучались, и какая у вас манера. Там главное победа. К тому же кто бы мог подумать, что этот монах знает столько тайных приемов.

- Да, отец Франческо был превосходным учителем... Жалко, что я не смог полностью научиться его странной манере. Но давай оставим этот спор, и просто пойдем в порт, чтобы как и все поглазеть на корабли, которые привел этот доблестный капитан Фонтанж.

- Да, мы так и сделаем, к тому же нам туда и нужно, чтобы нанять корабль до Испании. Но все же рискну заметить, молодой господин, что главное не манера фехтования. Главное, что этот монах научил вас побеждать. Ведь именно за это все ваши друзья стали звать вас не иначе как Быстрый Клинок.

- Да это они в шутку меня так называли, Николас.

- Нет, мой господин, такие прозвища просто так не даются. Здесь скромность не нужна. Вы действительно кое-чего добились. Уж поверьте мне старику. Я хорошо знаю о тех четырех дуэлях, в которых вы участвовали, и о дюжине стычек, после которых вы единственные из ваших друзей уходили с поля боя на своих ногах. А наши военные вылазки во время прошлогодней кампании, а то как вы закололи молодого немецкого князя...

- Оставим это, Николас, и давай пойдем к порту. Хорошо, пусть я самая великая шпага королевства, но давай сходим посмотреть на трофеи этого храбреца Фонтанжа.

Сделать это было легко, поскольку нужно было на улицах лишь придерживаться людского течения, неумолимо вынесшего нас на пристань. Бедный Дюнкерк, он всегда

переходил из рук в руки. Последний раз мы отбили его у французов в 1654 году, в то же время, когда захватили и Рокруа. Однако через четыре года французы снова вернулись, теперь уже навсегда. Но в тот день, когда мы были там ничто не предвещало дальнейших неутешительных событий, и все радовались успеху местных каперов приведших два французских рыбацких судна.

- Тоже мне победа, захватить рыбаков, - непроизвольно вырвалось у меня. - Вот если б это были военные корабли...

- Вы очевидно не любите свою родину, - сказал противного вида господин, одетый во все черное. - Вам не нравятся победы нашего короля?

- Причем тут король, если действовали каперы?

- Так вы и против короля, и против каперов?

- Прекратите, пока я не задал вам хорошую взбучку. Я дворянин, и хотя еще молод, но уже успел поучаствовать в военной кампании под знаменами нашего монарха, а вот вы наверняка в это время не отрывали свою толстую задницу от кресла в кабинете.

Моя тирада, произнесенная с пылом, присущем всему молодому, заставила господина противной наружности сначала задохнуться от негодования, потом побагроветь от злости, а потом выдохнуть: "Да я тебя сейчас...". Однако в этот момент мой камердинер сразу пришел мне на помощь.

- Уважаемый, не нужно горячиться. Перед вами сын испанского гранда, который отбывает к мадридскому двору к своему отцу. Не нужно раздувать пожар там, где его нет. Мы сейчас уйдем, и забудем о досадной перепалке. Вот и славно. Успокойтесь, мы не в обиде... Надеюсь и вы также... понимаете, что все это недоразумение...

Пока человек с противной наружностью соображал, Николас потянул меня за рукав и мы активно влились в людской поток, чтобы вынырнуть в другом месте пристани.

- Зачем, зачем вы устраиваете эти ссоры, когда сразу видно, что этот тип городской чиновник. Что ему только стоит крикнуть сразу, как не оберешься неприятностей. Пойдемте лучше поищем нужный нам корабль до Испании.

- Знаешь, что Николас. Давай во избежание подобных сцен, ты сам найдешь корабль, договоришься о цене, а я лучше подожду тебя в какой-нибудь таверне.

Узнав у местных жителей, где тут есть приличное заведение где-нибудь поблизости, мы договорились о встрече. Место, где мне нужно было ожидать Николаса называлась "Старая пушка". Я действительно быстро его нашел, поскольку у входа стояло то самое, большое и ржавое, от чего произошло и название.

Зайдя внутрь, я к своему удивлению я не обнаружил там матросского притона, как опасался. И заказав вина стал дожидаться своего старого камердинера. Однако через четверть часа вместо него ввалилась толпа возбужденных моряков, которые стали сдвигать столы.

- Сударь, вам лучше покинуть этот погребок, поскольку команда "Летящего" решила именно тут обмыть свои призы. И боюсь вам не понравится наша шумная компания, - нагло сказал мне некий здоровяк с перевязанным глазом, буквально нависая над моим столом.

- Извините, любезный, но я назначил здесь встречу и не могу уйти.

- Ха, ха, ха! Вы слышали он назначил тут встречу. А я говорю, молодой человек, что сейчас сюда придет сам капитан Жак Фонтанж, и лишние субъекты нам тут не нужны.

В моих глазах потемнело от злости. Я моментально понял, что без стычки тут не обойтись. Слава Богу, что моя горячая испанская кровь разбавлена рассудительной фламандской. Я могу вспыхнуть как порох, но также быстро и прогореть. Быстрее, чем это можно себе представить. Может быть именно это придает мне самое необходимое для любого фехтовальщика - злость и холодный расчет. Однако я не сношу обид, и ничего не прощаю просто так, поэтому принялся оценивать обстановку. Кроме грубияна, который был очевидно кем-то вроде офицера, я насчитал краем глаза еще с дюжину матросов.

Затевать ссору в такой ситуации было бы верхом безумия, но в то же время и прощать такую мерзость нельзя. Если учесть, что все они расслаблены после удачного похода, то их боеспособное количество можно смело уменьшить втрое. Если начать действовать энергично... Но, как потом я встречу Николаса? Да, потасовку придется отменить.

Я нашел в себе силы молча встать, и под общий хохот пойти к выходу, уговаривая себя, что плебей не может оскорбить потомственного дворянина. Пусть теперь Николас попробует обвинить меня в невыдержанности. Ничего подожду его у выхода.

Я было уже совсем собрался выйти, но моим планам осуществиться не удалось. На свете бывают такие люди, которым мало того, что они добились своего, им еще нужно унижить. Таких я ненавижу, и называю - хамами. Вне зависимости от происхождения. Одного из них, причем из титулованного дворянского сословия, я уже имел возможность проучить. Это был некий маркизик, чей отец купил этот титул за деньги. Именно за деньги, поскольку у простого дворянина есть еще возможность приобрести титул кровью на службе у короля. Но этот буржуа из чиновников высшего ранга именно купил себе маркизат. Он, думал что в придачу к нему получил и благородное происхождение. Но сын кухарки не может в одночасье стать дворянином, также как и ее внук. Это известно всем, кроме самих новотитулованных. Но, почему-то, именно они ведут себя так, словно родились принцами или владетельными князьями. А как может вести себя плебей, на которого свалился титул - только по-хамски. Они считают, что именно так и ведут себя все принцы. Этим они пытаются заменить то достоинство, и обоснованную гордость за подвиги своих предков, которую имеет любой потомственный дворянин.

Лучше всех этот вопрос понимает Мальтийский орден, который не принимает в рыцари новоиспеченных дворян. Чтобы стать кавалером французу нужно иметь восемь поколений благородной крови, от немцев требуется предъявить доказательства их происхождения по шестнадцати поколениям, а от испанцев и итальянцев - по четыре. Я это так хорошо знаю, поскольку сам подумывал стать носителем черного плаща с белым

крестом. Мне говорили, что такие строгости нужны потому, что паршивая овца дерется только за свой желудок. Но не смотря на это в виде исключения в орден принимали и овец, но, естественно, только не в рыцари. Хотя бывали случаи... Но это скорее исключения, когда за военные подвиги плебеи становились мальтийскими кавалерами с особого разрешения Римского папы или Генерального орденского капитула, и то только "кавалерами по милости" без права голоса на общих собраниях.

Итак, я уже почти вышел из "Старой пушки", когда за моей спиной прозвучало такое замысловатое грязное ругательство, которое затрагивало то, что отсутствует у хама, и то, что для дворянина важнее всего - честь. Есть предел даже самой большой выдержке, и есть предел издевательствам. Я остановился посередине зала. Я знал, что их очень много для одного, даже такого ловкого как я. Я знал, что если ввяжусь, то скорее всего буду убит, и никогда не увижу ни Нового Света, ни отца, но я не простолюдин, и не могу покорно сносить хамство. Я остановился, чтобы выполнить свой долг - умереть за свое имя, за дворянскую честь, и чтобы не опозорить трусостью имен всех своих многочисленных доблестных предков, как учил меня мой отец. Мысленно исповедавшись, я целиком вверил себя во власть Богородицы. Ну ладно, раз вы не знаете предела и живете как скоты, то и умрете, как собаки. Я вынул шпагу из ножен и обернулся. Однако этот мой поступок только развеселил их еще больше.

- Хочешь поиграть, сосунок, - сказал одноглазый здоровяк. - Давай поиграем.

Он тоже вынул шпагу. А я сразу вспомнил слова своего итальянского учителя фехтования: "Мало иметь храбрость в собственном сердце, нужно посеять страх в сердце противника. Если этого не можешь, то посеяй злобу. Тот кто сердится - всегда проигрывает тому, за кого правда, и у кого холодная голова".

- На твоём месте я бы поостерегся ставить на кон свой последний глаз, - сказал я обращаясь к здоровяку. - Видно тебя прельщает закончить свою жизнь в упряжке слепцов? Или с глазом ты потерял половину мозгов?

Как это принято у плебеев, его же матросы загоготали моей грубой шутке громче всех, поэтому я сразу добился желаемого результата. Единственный глаз здоровяка налился кровью, и испустив звериный рык, бугай ринулся на меня, сделав неуклюжий выпад. Я увернулся легким движением туловища, и мой противник сам с легкостью насадился на мою шпагу, словно большой жук. Клинок прошел насквозь через его грудь, и через

мгновение кровь хлынула у него из раскрытого рта. В этот момент я резко выдернул шпагу, так что кровь прыснула из груди на меня, и он упал. Не для кого не было никакого сомнения, что здоровяк мертв.

- Господа, вы были свидетелями оскорбления и честного поединка, так что...

Но не успел я договорить, как еще двое обнажили свои шпаги.

- Ну молокосос, берегись!

Я едва сумел отстраниться от одного и отбить другой клинок, так остальные моряки также обнажили оружие. Время слов прошло. Я хорошо понимал, что имел дело не с разозлившимися помесными дворянами, не с учениками в фехтовальном зале, а с каперами, которые научились приемам боя в абордажных схватках, не под руководством учителей из Италии. "Хочешь победить - рискуй и побеждай быстро", - эти слова моего учителя из Милана сразу всплыли у меня в голове. Я сделал свой первый выпад согнувшись в три погибели, так что сразу несколько клинков прошли у меня над головой, зато мой достиг цели. Не вынимая его, я сделал поворот, так что еще несколько шпаг и рапир вонзились в проткнутого мною матроса. Вот теперь упершись в него ногой я высвободил шпагу, и сразу нанес еще несколько ударов, один из которых пришелся по руке, другой - по плечу. Затем отступление, внезапная атака, снова отступление и снова атака. Я все время перемещался, извиваясь всем телом, уходя от летевших на меня лезвий и нанося ответные удары. Моя тактика состояла в том, чтобы не отбивать клинки, направленные на меня, а сворачиваться от них, и разить противника. Так намного быстрее и эффективней, но и намного рискованней, если не сказать большего. Не пытайтесь повторить мою манеру, вызванную особым случаем, если фехтуете меньше десяти лет, и тем более если не знаете школы итальянских мастеров, а учились драться во дворе. Однако в тесном помещении успешно проделывать подобные трюки весьма утомительное занятие, особенно когда на тебя нацелено слишком много клинков. Конечно же я получал ранения, как без них. Только в дешевых рыцарских романах герои выходят без царапины, на мне же их было наверное с полдюжины. Когда сворачиваешься, то они неизбежны, и чем больше их становится, тем больше льется твоя кровь и тем меньше у тебя силы.

Мои противники видели, что мне все труднее уходить от их выпадов, поэтому я подобрал у одного из поверженных дагу, а это верный признак того, что человек либо плохой фехтовальщик, либо слишком неуклюж. Ведь дага или кинжал для левой руки не помогут если сражаешься с тем у кого лишь одна шпага. Наоборот, это только ухудшает дело. Но мне выбирать не приходилось. Я чувствовал, что во многих местах под

камзолом у меня течет кровь, но не знал насколько серьезны мои раны, а это уже хороший признак, и это меня успокаивало.

Итак, я стал отбиваться двумя руками, и медленно отходить к выходу. Силы были на исходе, но и противников значительно поубавилось. Меня атаковали лишь четверо. Может потому, что я их еще не ранил, может потому, что это были самые лучшие бойцы, а может просто из-за того, что это было предельное число, которое ограничивалось помещением трактира. Теперь мне было не до "выкрутасов", как их называл Николас. Я классически орудовал поочередно шпагой и дагой, уже не помышляя о лихих атаках. Мои противники с самого начала не были первой свежести, а теперь их выпады были уже почти не опасны.

Когда я почувствовал, что вступил на лестницу, ведущую к выходу, это сразу придало мне силы. Завладев выгодной позицией я мог уже не опасаться за свою жизнь. Я специально сделал несколько шагов вверх, так что передо мной оказался лишь один противник. Он мог разить лишь мои ноги, зато его голова была под моим прицелом. Кончилось это тем, что он пропорол мне сапог, а в ответ получил скользящий удар по щеке. Сильно брызнула кровь, он вскрикнул, и ретировался.

Наступила пауза, во время которой трое оставшихся глупо переглядывались выясняя, кто из них пойдет по лестнице на меня. В этот момент с высоты уже дюжины ступенек я успел сделать быструю рекогносцировку. Восемь или девять каперов, еще несколько минут назад чувствовавших себя непобедимой армадой, либо ругаясь перевязывали раны, либо стонали на полу.

- Господа, предлагаю завершить наш поединок по-доброму, - сказал я делая несколько шагов по ступенькам вверх к двери. - Всем спасибо за участие, рад был знакомству, надеюсь теперь вы поостережетесь хамить настоящим благородным дворянам. Желаю всем здоровья, оно вам понадобится. Адью!

С этими словами я повернулся, чтобы преодолеть оставшиеся ступеньки к свободе, но тут же замер... Надо мной в дверях стояли трое. По виду моряки. Их вид был растерянный, а в глазах читался один вопрос? Что тут происходит.

- Разрешите пройти, господа! - сказал я, сделав несколько шагов вверх. Они расступились, но в этот момент снизу раздался крик.

- Хватайте его, не дайте ему уйти!

Однако входившие все еще не могли сообразить в чем дело, да и хватать окровавленного человека в обнаженной шпагой в руке и дагой в другой, с которых стекала кровь, не очень-то хотелось. Так я оказался у двери, где мне неожиданно преградила путь чье-то фигура в плаще.

- Что тут произошло, отвечайте, - сказала фигура, расставив широко ноги и уперев руки в бока.

Было ясно, что подошла другая часть команды проклятого капитана-капера Фонтанжа, и даже возможно это он сам.

- Сударь, произошло недоразумение. У меня тут была назначена встреча...

- Сейчас разберемся, стойте, - приказал он, хватая меня за плечо.

От этого его "стойте" и тем более "разберемся" веяло могилой, да к тому же мое плечо, куда легла его рука, было ранено. Я сразу сообразил, что стоит только выйти кому-нибудь снизу, как меня в лучшем случае сдадут страже, и я надолго сяду в тюрьму за нанесения массовых телесных повреждений героям войны на море, а в худшем меня порешат прямо тут, перед "Ржавым якорем", сами эти герои. Собрав последние силы, я выронил дагу, сбросил его руку с плеча, вывернул ее, и выхватив у него из-за пояса пистолет, отпрыгнул в сторону. Весь в царапинах и крови, со шпагой в правой и пистолетом со взведенным курком в левой, я стал медленно отступать по улице назад и считать своих новых противников. Их было восемь. Грубое обращение с их главарем не пришлось им по вкусу, они оцетинились рапирами, шпагами и большими ножами.

- Держите его, он перерезал всех наших! - раздались голоса от двери в кабак. - Боцман убит, шкипер потерял глаз... Дайте ему хорошенько.

Матросов не нужно упрашивать. Они смело пошли на меня.

- Стойте! Я не никому не хотел причинять вреда. Я один. Я не хотел ни с кем ссориться...

- Вред! Он, вред! - снова раздались крики. - Он первый напал и убил боцмана.

- Давайте разойдемся по-хорошему, - еще раз неуверенно предложил я. - Первый кто приблизится будет застрелен.

Однако моряки неожиданно встретили мои слова смехом, который, как эхо, раздался и сзади меня. Я обернулся и увидел, что и там стоят еще примерно столько же матросов. "Ну вот и все", - пронеслось у меня в голове. Все пути были отрезаны и мне лишь оставалось прижаться спиной к стене дома, и постараться не уронив свою честь, продать свою жизнь как можно дороже. Оставалась еще слабая надежда на то, что кто-нибудь из горожан сообщит в полицию, и мне удастся спасти свою жизнь, попав в тюрьму.

Пока вокруг меня медленно образовывался полукруг, я вспомнил одно из наставлений моего итальянского учителя фехтования: когда дела совсем плохи, покажи вид, что тебя они не касаются. Я вынул из-за пояса кожаные перчатки и демонстративно беспечно натянул их. Затем встал в боевую позицию. Думать о прорыве было не реально. Их было слишком много, поэтому я стал выбирать себе первую жертву, которая, впрочем, нашлась сама.

- Дайте мне попробовать, - сказал их главный. - Неужели этот мальчишка сразил нашего могучего боцмана. Может, ты владеешь каким-то особым приемом. Так научи.

Он обнажил шпагу и стал приближаться. Я положил пистолет на стоящую рядом бочку, и сделал специально неуклюжий выпад.

- Да он просто цыпленок, - сказал предводитель, легко отбивая мою шпагу. - Не понимаю, как ему...

Но я уже сделал глубокий двойной выпад, проткнув ему снизу подбородок. Такие удары очень опасны, а если рассчитать момент, то... Но я не рассуждал долго, и выдернув шпагу, сделал еще пару выпадов. Мой клинок задел, чье-то бедро, потом чей-то живот, а потом я отскочил, схватил пистолет, лежащий на бочке. и снова попытался вести переговоры.

- Ваш капитан ранен, позаботьтесь о нем, а меня пропустите.

Но ответом мне были лишь грязные ругательства и проклятия. У меня в уме снова всплыли наставления моего миланского учителя: "Сначала противник вгоняет тебя в роль побежденного, а потом побеждает". Я поднял пистолет и выстрелил, потом схватив его за дуло, и пользуясь небольшой дымовой завесой, сделал несколько отчаянных выпадов. Я слышал, как мои удары достигли цели, и как кричали и чертыхались раненные противники. Потом я увидел, как что-то мелькнуло у меня перед глазами, а потом ощутил, что их заливают кровью. Я снова и снова стирал перчаткой кровь застилавшую мне глаза, и делал отчаянные выпады, результаты которых мой мозг уже почти не мог сохранить. Я чувствовал, как холодный металл входит в мою плоть, то тут то там, но это уже не причиняло боли. Меня согревало сознание того, что я умираю не напрасно, что негодяев, с хамством которых любой простой человек вынужден постоянно мириться, становится все меньше и меньше. Пусть я уже почти не вижу из-за крови, льющей из раны на голове, но я все еще на ногах, и все еще могу оказывать сопротивление. Это матросское быдло надолго должно запомнить молодого дворянина, который не стал терпеть их выходки, и смог постоять за себя, даже пусть путем своей жизни. Именно такие мысли вертелись у меня в голове, пока в глазах окончательно не потемнело, и я не стал провалился в какую-то черную бездну. И все летел, летел вниз, но так и не мог достичь дна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из рассказов капитана Пикара

Вам, как сухопутному офицеру должно быть все равно, приватир, капер, корсар, флибустьер - они для вас все на одно лицо, все пираты. Так и для меня, человека отдавшего свою жизнь морю, неважно, как вы называете свои войска - легкой пехотой, пионерами, вольтижорами, берсальерами, пандурами или егерями - все они для меня нерегулярные части, а значит обыкновенные разбойники. Вам, как офицеру, хорошо известен принцип набора войск в Европе. Вы не будите отрицать, что любой никогда не служивший аристократ сразу может получить чин капитана или полковника, если навербует и будет содержать за свой счет роту или полк. Причем статус этой части у вас не вызывает никаких сомнений в том, что она не разбойничья. Однако червь сомнения начинает точить ваше сознание, когда купец снаряжает судно для ведения военных действий с неприятелем. Уж не пират ли он?

Вы, наверное, думаете, что самое большое гнездо пиратов - это Вест-Индия? Нет, поскольку вы забываете о знаменитых приватирах Дюнкерка, Остенде и других налетчиках с побережья Северного моря. Но считать ли их пиратами? Они ведь с разрешения властей вели что-то вроде партизанской войны на море. Но ведь и флибустьеры Сен-Доменга никогда не выходили из порта без этого пресловутого разрешения, которое называли "комиссией". Если это по-вашему не считается, то тогда всех партизан можно записать в разбойники, и в первую очередь знаменитых венгерских гусаров. Ведь этот род легкой кавалерии создан именно для налетов стычек и разрушения вражеских складов, коммуникаций и всей продовольственной базы противника, а не для участия в открытом сражении. Горе будет тому полководцу, кто попытается применить в большом сражении этот тип легкой кавалерии, и пустить их на неприятеля. Это будет первая и последняя атака. Надеюсь, теперь вы понимаете, что глупо грести всех под одну гребенку, как это делают недалекие люди, которым свойственно не задумываться.

Например, знаменитый капитан Вильям Кредо. Кажется он до сих пор жив. Сейчас ему наверное где-то около 45. Он нанес огромный вред Франции, но я не считаю его пиратом. Он честно воевал против наших кораблей в Северном и Средиземном морях, у африканского побережья и в Вест-Индии. Говорят он захватил более двухсот французских судов, да и сейчас продолжает участвовать против нас в войне за испанское наследство. Все это напоминает мне рассказы "про своих партизанов" и "чужих лесных братьев", про "наших разведчиков" и "чужих шпионов". Не правда ли похоже на обыкновенную пропаганду, жертвой которой так легко стать, когда отключаешь свои мозги?

Однако я обещал рассказать вам о флибустьерах, одним из капитанов которых мне

выпала судьба быть. Не знаю с чего начать мою историю, поскольку у нее пока нет ни начала ни конца. Начнем, например, с того места, когда я очутился на Сен-Доменге. Что мне больше всего тогда запомнилось, так это дожди. Там они всегда идут с конца весны до начала осени. И когда я с несколькими бедолагами попал на этот остров, то не сразу привык к неизменным осадкам, которые обычно бывают частые, но короткие. Однако помню один день, когда дождь был каким-то особенно сильным и все никак не затихал. Работать было совсем нельзя, воды по колено, и нужно было ждать пока она сойдет, что мы с радостью и делали. Сидя под навесом из пальмовых листьев мы придавались воспоминаниям, а то и мечтали вслух. Но больше всего нам нравилось расспрашивать нашего Мартена о Сен-Доменге: большой ли остров, какие на нем города, реки, горы, селения, где кто живет. Нам хотелось больше узнать о месте нашего пребывания.

- На острове кроме нас французов, и естественно, испанцев, которые открыли его лет 150 назад и первыми обжили, есть поселения англичан и голландцев, - с готовностью откликнулся Мартен.

Он вообще любил поговорить, может быть потому, что всегда был весел и общителен, а может из-за того, что ему действительно было, что рассказать, особенно таким новичкам, как мы.

- Наш поселок находится в Свободной гавани на северо-западном побережье, потому так и называется. Рядом много французских поселений, так как здесь на севере Сен-Доменга много рек впадает в океан, образуя хорошие гавани. А там, где пресная вода селится и человек. Восточнее нас есть большие поселения в заливе Марго и Ле-Кап, вокруг которых множество мелких. Их не сосчитать. Ибо что в Европе называется хутором, у нас - поселением. На запад от нас есть поселок англичан в Заливе москитов, чтоб они их сожрали...

- Мартен, ты не любишь англичан?

- А ты что, их любишь?

- Нет, просто спросил.

- Вот и я также. Чего ждать от этих жадных картавых. Они норовят все прибрать к своим рукам. Помню я жил некоторое время на Тортуге... Это было еще до Левассёра... Так вот, они и там решили, что самые главные, и что избирать губернатора можно только среди них.

- А что потом?

- Что потом... С Сент-Кристофа приплыл дворянин Левассёр и вышвырнул всю их компанию с острова. С тех пор они и обосновались в заливе Москитов. Но помяните мое слово, эти англичане еще не раз тут попытаются взять верх.

- Это еще почему?

- Да в их дикой стране неизвестно что творится. Короля своего казнили, вместо него теперь правит мясник. Слыханное ли дело. Вот они совесть совсем и потеряли.

- Скажи, Мартен, а где это такое место Кюль-де-Сак?

- Эх, крабики вы мои малокопченые. Так называется огромная бухта на западе Сен-Доменга. Если плыть от нас на заход солнца, а затем обогнуть мыс Сент-Николя, где кстати поселения голландцев, то и попадешь в Кюль-де-Сак. Это огромный залив между двумя полуостровами Северным и Южным, а посередине его большой и пустынный остров Гонав. По берегам же этого огромного залива также много наших поселений: Гонаив, Мирбалете, Пти-Гоав, Гранд-Кайман. А на другой стороне Южного полуострова вокруг поселка Кайен, что рядом с островом Ваш, также живет много французов.

- Откуда ты все это знаешь, Мартен?

- Как же мне не знать, когда я тут родился. Я даже знаю, что раньше местность, где мы сейчас живем, индейцы называли Харагуа.

Последние слова вызвали у нас смех. Уж больно диковинно было это слово для юнцов, которые только недавно попали в этот сказочно экзотический Новый Свет.

- А как было основано наше поселение в Мирной гавани?

- Также как и все остальные. Первыми тут поселились буканьеры. А потом, это было совсем недавно, лет десять назад, к их букану присоединились разные мастеровые и плантаторы. Букан разросся и уже стал больше похож на поселок, чем на стан охотников. Рассказывают, что до буканьеров тут было испанское поселение, которое лет 20-25 назад разорили голландцы. Кстати именно эти бестии и очистили от этих проклятых папистов весь северо-запад Сен-Доменга.

- А буканьеры - это те охотники, что коптят мясо?

- Нет, сынок. Если я скажу, что это охотники, которые коптят мясо свиней или диких коров, то это будет неправдой. Так говорят лишь те, кто ни черта не знает, и кому все едино, что флибустьер, что пират. Но мне, родившемуся и выросшему на этом острове, не престоало повторять глупости недалеких людей, поскольку я знаю больше, чем они. Буканьеры - это не просто охотники. Это - дикие звери, при встрече с которыми у испанцев кровь стынет в жилах. Это люди, умеющие выжить в любых условиях. Это люди способные на любые лишения. Это те, кто после истребления индейцев стали настоящим хозяевами этого острова. Они непревзойденные стрелки, отличные следопыты, обладающие к тому же беспримерным мужеством. А ты говоришь, коптят мясо...

Кстати, это делают не буканьеры, а их слуги, шляпа ты соломенная. Все буканьеры живут особняком, у них свои внутренние отношения и порядки. Их объединения называют не только буканами, но и матлотажами. Никто толком не знает, что это означает. Сами же буканьеры говорят, что это просто "тесно сплетенный союз". Ну, словно корзинка, что ли. Только мне представляется, что оно скорее всего образовалось от слов "моряк" и "компаньон". Один капитан мне рассказал, что у голландцев, чьи суда бороздят все моря и днем и ночью, есть такой обычай у матросов на кораблях при дальних плаваниях. Для экономии места на судне двое делят одну кровать. Пока один матрос спит, другой стоит на вахте. Но как бы там ни было, эти матлотажи, в моем

понимании, являются самыми дикими и развратными сообществами, которые только есть на земле.

Если честно, то я не люблю этих буканьеров. Как вы знаете, у нас на Сен-Доменге почти нет женщин, но это не значит, что все мы из-за этого должны стать мужеложцами. Хотя они и говорят, что это помогает им более тесно сплачиваться во время войны с испанцами, мне это уже неважно. Они живут парами, называя друг друга компаньонами, и совместно владеют имуществом, словно семья. Тьфу, мерзость какая. Даже по виду этих бородатых и косматых громил, выходящих из леса в своих вонючих, пропитанных кровью нарядах, видно, что занимаются они чем-то нечистым. Испанцы их уже давно считают такими же дикарями, как индейцы, только во много раз опаснее. И единственно, чем отличаются буканьеры от дикарей, это тем, что не едят человечины и молятся Христу.

- Расскажи нам о голландцах.

- А, эти. Они словно морские цыгане. Везде снуют их корабли, но базу, пусть и маленькую, на нашем острове тоже устроили. Я уже говорил, она находится около мыса Святого Николая. Там есть очень удобная бухта и еще соляные копи. А где соль, там и голландцы. Мне один капитан флибустьеров на Тортуге рассказывал, что эти торгоши специально обосновались на подветренных островах, чтобы можно было контролировать прибрежную полосу Новой Гранады Пуэнта-де-Арайю, богатую месторождениями соли.

- А где это Новая Гранада?

- На юг от Сен-Доменга и через море. Это на материке. Испанцы еще называют это место Маленькой Венецией или Венесуэлой. Это потому, что местные индейцы там строят свои дома на воде, на сваях.

- Мартен, скажи, испанцы что, вот так запросто разрешают нам французам селиться на их землях? А где они в таком случае сами-то живут? Ты там бывал?

- Если бы разрешали. А то проклятые кастильцы все захапали себе, и не пользуются. Словно собаки на сене. Сами не едят, и другим не дают. Они претендуют на весь остров, хотя живут-то только в трех местах. Самое большое из них - это район южного побережья, которые местные индейцы называли Хигуэй. Там находится испанская столица Санто-Доминго. Большой порт и сильная крепость на берегу широкой реки Романа, многочисленный гарнизон, ров, каменные стены, бастионы. Второе место - это вокруг города Сантьяго-де-лос-Кавальерос в центре острова в долине реки Вака-дель-Норте между Кордильера-Сентраль и Кордильера-Септентриональ. Город тоже находится на реке, но укреплен только природой. Третье место, где живут в основном испанские пастухи - это вокруг города Сан-Хуан-де-Гоав в долине между гор Плин-дю-Сюль-де-Сак и Кордильерой-Сентраль.

- Скажи, Мартен, а как сюда попали французы, если это земля испанцев?

- Как попали? Вам лучше знать, ведь вы же тоже французы. Как вы сами-то сюда попали помните? Вот и остальные также. Мне рассказывали старики, что испанцы сначала очень хорошо обжили Сан-Доминго. Тут было много плантаций, ферм, где разводили коров, свиней, лошадей, много народу, но после того, как местные поселенцы поняли, что больше здесь у индейцев золота нет, а в это время на континенте золото потекло рекой, они все побросали и устремились туда. Зачем содержать хлопотные хозяйства на этом острове, когда золото можно легко отобрать у дикарей. Сначала сотнями, а потом тысячами испанцы стали покидать остров и переселяться сперва в район Новой Испании, потом в район Новой Гранады, потом в Перу и Чили.

- Значит испанцы ушли за золотом из этих мест, где мы сейчас живем?

- Из этих мест они ушли еще раньше. Здесь где-то в районе нашего поселка у Свободной гавани, впервые пристали их корабли. Они основали тут свои первые поселения и плантации, но вскоре вспыхнула страшная эпидемия, и испанцы бежали из этих мест на южное побережье, основав там новую столицу Санто-Доминго. Словом, нагадили и ушли. С тех пор эта земля была ими почти брошена. Оставались лишь незначительные поселки.

- И тогда появились буканьеры?

- Само собой, свято место пусто не бывает. После того, как испанцы устремились на континент, бросив свои хозяйства, коровы, свиньи и лошади разбрелись по острову, и за несколько десятков лет (а может и за сто) расплодились в огромном количестве. Ведь у них тут нет никаких естественных врагов, кроме человека. А его-то тут и не было. Индейцев и тех испанцы всех повывели. Они заставляли их работать на плантациях, а местный индеец ленивый, он скорее умрет, чем будет работать. Вот они и передохли. Поскольку север Сен-Доменга был испанцами почти не заселен, тут обосновались наши соотечественники, приплыв сюда с острова Сент-Кристофер. Начали промыслять одичавших свиней и коров. Много их разных на моем веку сходило с кораблей, чтобы заняться охотой. Сначала их так и называли "убийцы коров", но потом всплыло старинное индейское слово "букан". Это такой способ коптить мясо. Вскоре это дело стало не менее прибыльным, чем плантаторское. Любому кораблю, который останавливается у нас перед переходом через Атлантику требуется не только свежая вода, но и еда в дорогу. Так вот эти охотники коптят особым способом мясо, которое может не портиться на протяжении нескольких недель, и продают его на кораблях. Раньше у нас останавливалось очень много корсаров из Европы, которые с добычей шли домой, поэтому могли хорошо заплатить за провиант. В связи с этим число желающих стать охотниками все время возрастало. Да и сейчас возрастает, несмотря на их дикие нравы и порядки с матлотажами.

- А почему ты не стал буканьером?

- Я хороший специалист по плантациям, по расчистке леса, по выращиванию разных культур, я не охотник. Охота мне не нравится, хотя это не значит, что я никогда не охотился и не держал мушкета в руках.

- А кто становится буканьером?

- Да любой, кто захочет.

- А сейчас на Сен-Доменге совсем нет индейцев?

- Совсем. Если не считать привезенных из других мест или полукровок. И тех наберется не больше сотни, да и то, они живут порознь в услужении у разных испанских сеньоров.

- А скажи, негры у испанцев тоже есть? Как и на наших плантациях?

- Есть, а как же. Негры не такой глупый народ как были местные индейцы. Чернокожие умеют работать потому, что хотят жить. За что и ценятся. Их привозят сотнями в Санто-Доминго. Там большой рынок, куда съезжаются испанские плантаторы со всего острова, и даже со всей Вест-Индии.

- А ты сам, как попал сюда?

- Этого я не знаю, но не из Африки, это уж точно. Сколько себя помню, я всегда жил здесь. Возможно мои родители привезли меня сюда совсем маленьким, а может быть я родился уже здесь. Не могу знать, так как рассказать мне было некому. Отец и мать умерли, когда мне было еще совсем мало лет, и меня воспитывали чужие люди. Если мне сейчас 40, то возможно мои родители прибыли сюда где-то около 1620 года. Старики говорили, что тогда многие корабли из Франции, Голландии и Англии останавливались на наших пустынных берегах на обратном пути в Старый Свет, чтобы набрать воды, еды, да и починиться, если нужно. Здесь они находили все, что нужно: и корабельный лес, и еду, и отменную воду. Говорят, что те немногие десятки испанских поселенцев, которые тут еще оставались, зарабатывали на этом неплохие деньги. Вскоре к ним стали присоединяться голландцы и французы с кораблей, которые приходили в Вест-Индию для продажи контрабанды. Ведь испанское правительство не разрешает чужеземцам торговать со своими колониями, поэтому, все что привозят наши соотечественники считается контрабандой.

- А ты сам никогда не занимался контрабандой, чтобы заработать?

- Нет. Несмотря на то, что я вырос у моря, и не раз выходил на утлых суденышках на рыбалку, даже плавал к побережью Кубы и Малым Антилам, морской промысел меня никогда не прельщал. Я вырос здесь, где всего вдоволь. Зачем мне золото? Как его тут потратить? А уезжать в Европу я не собираюсь, потому, что моя родина здесь. Мне всего хватает, и ничего больше не нужно. Если хотите, то сейчас вы видите перед собой абсолютно счастливого человека. Помню, как я познакомился со своим нынешним хозяином. Давно это было. Я еще тогда совсем молодым был, лежал под пальмой, никого не трогал. Тут подходит Пету и говорит: чего зря лежать нарви бананов, я их у тебя куплю, ты снова нарвешь, я снова куплю, а потом ты наймешь других, они будут рвать бананы, а ты лежать под пальмой и ничего не делать. Тогда я ему говорю: а я и так уже

лежу под пальмой и ничего не делаю...

Мы посмеялись этой байке, а затем я спросил:

- Зачем ты служишь Гийому Пету, если тебе ничего не нужно?

- Но должен же человек чем-то заниматься. Ведь суть жизни не в том, чтобы ничего не делать, а чтобы делать то, что нужно людям, да и тебе самому интересно. Я же работаю у него главным по разбивке плантаций не из-за денег, которые, кстати, наш хозяин платит мне исправно. Я работаю ради того, чтобы спасти таких вот птенцов, навроде вас. Да еще и для того, чтобы сделать эту страну более красивой и пригодной для житья. Если бы не я, то вы бы умерли с голоду, или по крайней мере терпели бы страшные лишения среди всего этого изобилия, как любой чужак попавший на этот райский, но дикий остров. Я спасаю таких как вы. Вот если Гийом Пету купит еще несколько белых батраков, то я уйду от вас к ним, и также буду учить их выживать, как учил вас. За это меня некоторые даже называют профессором суровых наук.

- А Тортуга, расскажи нам об этом острове? Ты бывал там?

- Конечно. Я бывал и там, и у англичан в Самане, и у наших в Гонаве и Кюр-де-Саке, и у голландцев в поселке Святой Николай и даже у испанцев в Сантьяго и Санто-Доминго. Я же говорил вам, что если не родился, то вырос на этом острове, поэтому исходил его вдоль и поперек. Видел даже гору, на которой в самый лютый зной лежит снег. Видел саванны, где нет ни единой зеленой травинки, видел вечнозеленые леса, где сквозь деревья не могут пробиться лучи света, видел глубокие ущелья и бурлящие водопады, видел огромное соленое озеро, где, как это ни странно, живут кайманы. И Тортугу я знаю как свои пять пальцев. Раньше мы частенько туда наведывались за черепахами, которые облюбовали берега южной стороны острова. На Тортуге французские переселенцы поселились раньше всего, уже потом они перешли на большую землю, которую называли Сен-Доменг. Во всяком случае мне именно так рассказывали старики. По их словам, раньше на Тортуге жили в мире все три нации: французы, англичане и голландцы, но теперь разбрелись по разным углам...Как то раз был я в Самане. Это такой полуостров на восточном берегу Сан-Доминго, где живут английские букарьеры. Это место индейцы называли Магуа. Чудесный по красоте полуостров, к которому однако с суши подобраться совершенно невозможно из за непроходимых болот с кишаскими там кайманами. У англичан вдоволь и дичи и рыбы, но вот дикие коровы там не водятся, поэтому местные буканьеры ходят за ними на каноэ на большую землю. Так вот, был я как-то у них весной и наблюдал уникальное явление, как мимо берега плыли на юг сотни китов-горбачей, ими буквально кишело все море. Зрелище удивительное и

завораживающее...

- Ты говорил, что много где побывал. Зачем ты столько мотался по острову?

- Эх мелюзга вы еще зеленая, но я вам завидую. Все у вас впереди, в то время как у старика Мартена... Тогда я тоже молод был, верил во всякие бредни. Вот и носила меня судьба по острову за химерой.

- Ты что-то искал?

- Искал это не то слово. Я просто бредил. Слышали легенду о потерянном золоте араваков? Нет? Ее на Сан-Доминго все знают. Так вот, я его и искал. Однажды, когда мне было чуть побольше лет чем вам, со мной на охоте произошел такой случай. Пошел я подстрелить хрюшку в горы. Я имею ввиду не те огромные громады, что в центре острова, а те, что холмы, что находятся позади нас. Там тогда диких свиней было видимо невидимо. Да и сейчас, наверное, не убавилось. Так вот иду я и у одного ручья, которых там множество, вижу лежит человек на животе, а голова в воде. По виду буканьер. Ну я уже тогда был наслышан про это зверье, что едят мясо сырым, так что был осторожен. Но смотрю, лежит не шевелится, а от него по воде красный след идет. Ну думаю, пристрелил кто-то. Окликаю, молчит. Подхожу, переворачиваю, а он в отключке. Слушаю сердце, еще стучит. Ну думаю, что делать с бедолагой. Осмотрел его, а в нем три дырки. Да такие, что палец можно всунуть. Но видать здоровый парень, раз не помер до сих пор. Тогда снял я его старые повязки, которыми он раны завязывал, перемотал новыми, срубил пару деревьев, соорудил носилки, да поволок. Думаю, перетащу к морю, там люди живут, помогут. Бросать-то совестно, ведь христианская душа, деревянный крестик на груди. Словом, тащу-тащу, передохну, благо под горку.

- Но это можешь не рассказывать, что дальше-то было?

- Цыц, перебивать вздумали. Ты знаешь, что такое лесом по горам тащить человека. Весь потом обливаешься, а вокруг тебя москиты роem кружат. Но тогда я молод был. Притащил все же. В поселке мне помогли, донесли бедолагу до моей хижины. Там я стал его выхаживать. И к удивлению буканьер этот через день открыл глаза. Этот парень, а звали его Оноре, рассказал, что подстрелили его в Опаленной саванне, что от нас вон за этими горами в нескольких днях пути. Говорит, мол, зря я его подобрал, все равно чувствует, что помрет. Однако поблагодарил за мою сердечность, и сказал, что отблагодарит меня по-христиански. Вот тогда-то я впервые и узнал о пропавшем золоте араваков. Оноре сказал, что лет сто назад араваки собрали все золото со всего Сан-Доминго, и спрятали его от испанцев в одной горной пещере. Про это огромное богатство он узнал от последнего вождя племени. А затем объяснил, как найти то место,

где осталась карта. Вот такая история.

- Ну, а ты сразу отправился на поиски?

- Нет не сразу. Сначала похоронил бедолагу по христианскому обычаю на нашем кладбище. А уж потом двинулся на поиски.

- Ну и как, нашел?

- Нашел.

- Золотую пещеру?

- Да нет. Карту нашел. Она была сделана на плоской золотой бляшке с дырочкой с краю. Буканьер говорил, что пять самых больших вождей острова разделили карту на пять частей. Сначала носили их у себя на груди, а потом зарыли каждый в своем районе обитания. Только соединив их вместе можно было понять, как найти клад, который по словам умирающего буканьера был в районе Центрального хребта. Карту Оноре составил со слов последнего вождя араваков. Писать-то он умел с трудом, поэтому многое отобразил в рисунках. Да и его каракули было трудно понять. Однако было очевидно, что одну пластину он все-таки нашел, что доказывало, что золотая пещера существует. Эта пластина была из района Арагуа.

- Ну, а что потом?

- Что-что... Вот я и начал по описаниям искать остальные бляшки. Мотался по всему Сан-Доминго. По всем бывшим индейским областям. Посетил Мариен, Магуану, Магуа и Хигуэй.

- И что нашел?

- Нашел. Нашел еще две. Одну в Самане, другую около Игуайо, а вот остальные мне так и не дались. Одна по описаниям должна быть на Тортуге, в каком-то городе мертвых. Весь остров я обошел, все излазил, никто никогда не слышал, чтобы на западном берегу около двух скал был какой-то город, или поселение, или что-либо еще. Нет там ничего. Только мы ребята совсем заболтались, а между тем дождь уже прошел и нужно выходить на работу.

- Ну, Мартен! Расскажи легенду-то.

- Потом, потом, ребята. У нас впереди еще много времени. Я вам все расскажу. А теперь за работу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Из записок графа Пенальбы

Я очнулся от скрипа и болтанки. Качался фонарь, качался потолок, страшно хотелось пить. Однако было такое чувство, что лучше не двигаться. Нужно еще немного полежать, а уже потом вставать. Хорошо лежать не шевелясь, но пить все равно хочется. Все тело ноет, болит голова и хочется пить. Уже отчетливо представляешь, как наберешь ее в рот, как погоняешь за щеками, чтобы смочить совершенно сухое нёбо, а потом двумя тремя глотками проглотить эту холодную животворящую жидкость. Но воду еще нужно добыть, поэтому лучше повременить, собраться с мыслями, подумать, это тоже придает сил. Ну, вот, больше медлить нельзя. Пора, поднимаюсь.

- Слава Богу, молодой господин, все позади. Старый Николас выручил вас, и теперь, как просил ваш батюшка, мы плывем в Новый Свет.

Этот голос был словно с небес и я, наверное бы, улыбнулся и снова заснул бы сном раненого праведника, если бы не вода. Только после того, как я напился, судорожно глотая, и проливая на себя, мой камердинер рассказал о том, что произошло. По его

словам я не только уничтожил большую часть команды "Летящего" вместе с его ужасным капитаном Жаком Фонтанжем и офицерами, но и разогнал дозор городских стражников, пришедших мне на помощь. По словам Николаса, прибежавшего на страшный шум, только ему удалось остановить меня от полного истребления всего Дюнкерка.

- Хвала Деве Марии, вы не перебили весь город, - шутил мой камердинер. - И, слава Богу, что мы быстро убрались из этого негостеприимного места, провались оно пропадом.

Возможно, эти слова Николаса стали пророческим, поскольку в 1658 году этот город захватили войска Людовика XIV, и он стал французским. Но в это время мы еще не знали об этом, и плыли оттуда на попутном судне в Испанию. Мои раны, которых оказалось множество, но ни одна из них не была серьезной, постепенно заживали. Николас, притащивший меня на судно в беспамятстве, потребовал его немедленного отплытия, за что пришлось заплатить круглую сумму. Слава Богу, что деньги у нас имелись.

Хотя я и был подданным кастильского короля, но впервые вступил на Иберийский полуостров. На их языке я говорил свободно, поскольку это был язык моего отца, но местное наречие жителей Бильбао повергло меня в недоумение, такое оно было своеобразное, впрочем, как и много в этой стране. Например, мы с удивлением узнали, что в гостиницах не кормят, поскольку там нет никаких продуктов. Чтобы поесть нужно идти в ресторан, расположенный отдельно, или самому купить все необходимое на рынке, чтобы потом это было приготовлено в гостинице. Мы отправились в ресторан, благо их было предостаточно. Там мы решили, что хватит с нас морских путешествий, и лучше добраться до Кадиса пересеча всю Испанию с юга на север в седле, чем снова болтаться на волнах. Тем более мне хотелось поподробней узнать о родине моих предков. Итак, найдя неплохой постоялый двор, где не было матросни и не околачивалась всякая рвань, мы сняли хорошую светлую комнату, с видом на море.

- И все же Испания прекрасна, - сказал я Николасу, распахивая окно и вдыхая свежий морской воздух.

- Подождите восхищаться, молодой господин, - пробурчал странный слуга, распаковывая вещи. - Все эти мерзкие смуглые рожи в порту не вызывают у меня доверия. Я более спокойнее бы чувствовал себя на борту корсаров из Дюнкерка, чем на улицах этого

Бюльбо.

- Бильбао, мой друг, Бильбао. Как звучит!

- Не разделяю я вашего восторга, молодой господин. По мне так это Бильбао, словно собачий лай. Такой же как и весь язык этих басков. Кастильский-то я хорошо знаю, не даром много лет воевал в плечом к плечу с вашим батюшкой. Но клянусь чем угодно, этот язык - не испанский. И если бы не флаги на фортах и кораблях, то я подумал бы, что мы с вами попали в другую страну.

- Прекрати, Николас. Это просто наречие такое. А страна, где мы находимся - это Басконь. Несмотря на то, что тут живет древний народ, говорящий на своем диалекте, это все равно Испания, которую нам вскоре предстоит пересечь. Как думаешь, много ли это займет времени?

- А что мне думать. Вы решили, вы и думайте. Я хоть сейчас готов за вами, и на палубу, и в седло. Только прикажите.

- Чудак. Я спрашиваю твое мнение.

- Зачем его спрашивать, когда вы все равно поступаете наоборот. Разве вы прислушались к моим советам остаться во Фландрии, поступить в какой-нибудь хороший полк. Да ваш отец знаком с самим генерал-губернатором Нидерландов. Перед вами была открыта хорошая военная карьера. А вы... Затеяли дуэль с сыном этого проклятого маркиза. Вот и пришлось нам менять нашу дорогую обустроенную родину на какой-то Новый Свет. А куда теперь нам деваться...

- Не понимаешь ты Николас моих молодых устремлений. Я много слышал о Вест-Индии, отец мне много рассказывал о ней в своих письмах. Теперь я хочу все увидеть своими глазами.

- Чего там смотреть. Дикая страна, населенная людоедами. И если бы у нас во Фландрии вы меньше бы дрались на дуэлях...

- Хватит, Николас. Решено едем верхом и точка. Устал я от морской качки. Нам еще океан пересекать, так что еще наболтаемся. Кстати нам нужны хорошие лошади. Так что раздобудь их побыстрее. Я бы завтра уже отправился в дорогу.

На этом наш разговор закончился, Николас пошел готовить все для сухопутного путешествия, а я решил осмотреть город. Странно, но в толпе, магазинчиках и лавках я постоянно слышал французскую речь. Как потом объяснил мне отец, это оттого, что испанцы - нация воинов, а французы - нация лавочников. Испанцы презирают ремесло, называя его "ничтожным занятием", поэтому французы и обслуживают их. Отец рассказывал, что в Мадриде нет ни одного разносчика воды или портного, который не был бы иностранцем. "Мы - покорители мира, а участь остальных народов обслуживать нас", - говорил отец. Не знаю, право, гордиться этим или нет, но по-моему выходило так, что все золото Индий уплывало сквозь пальцы испанцев. Уж хорошо это или плохо, не берусь судить. Только знаю, что в стране где я родился и вырос, то есть Южных Нидерландах, дело обстоит совсем по-другому. Может из-за того, что головы испанцев просто затуманены манией благородства, и они предпочитают нищету занятию ремеслом? Но, как бы там ни было, я не спорил с отцом. Итак, я праздно шатался по Бильбао, зашел в величественный кафедральный собор, побродил по улицам, попробовал местного вина... Тут нужно заметить, что испанцы и тут отличаются от всех остальных народов, поскольку держат вино в бурдюке из свиной или овечьей кожи, из-за чего даже самые лучшие сорта после такого варварского хранения приобретают невыносимый привкус этой самой шкуры и даже шерсти животного, превращаясь в отвратительное пойло. Смачно выплюнув эту гадость прямо на мостовую, я с трудом потом сбил привкус во рту поеданием фигов, винограда и апельсинов. В общем, я праздно шатался, пока случайно не налетел на одного дворянина. Вернее сказать, он сам толкнул меня, выйдя из-за угла дома.

- Сморите куда идете, сеньор, - буркнул он мне, даже не извинившись, и поспешил дальше, придерживая шпагу. Кровь мигом ударила мне в голову, в глазах на мгновение потемнело.

- Эй, милостивый государь! - крикнул я ему в дорогу, но незнакомец даже не обернулся. Тогда я побежал за ним и схватил его за плечо. - Стойте, сеньор.

- Пустите юноша, я спешу.

- Нет. Вы никуда не пойдете, пока не извинитесь.

- Это за что же?

- За то, что только что пихнули меня и наступили на больную ногу.

- Служба короля, - сказал он коротко, показав мне какую-то короткую палку в своей руке. - А теперь отпустите, и не мешайте, или будете иметь большие неприятности. У меня срочное дело.

После этих слов он, чтобы отвязаться, толкнул меня в грудь и быстро двинулся дальше.

- Нет сеньор, вам больше некуда спешить, поскольку ваша смерть идет за вами, - выкрикнул я ему и выхватил шпагу. - Защищайтесь, или я проткну вас.

Незнакомец, круто повернулся на каблуках, и с любопытством посмотрел на меня.

- Как вас зовут, молодой сеньор? Рыба-прилипала?

- Невежды, вроде вас, во Фландрии звали меня Быстрый Клинок, за то, что я успевал наделать в них уже несколько дырок, пока они делали свой первый неуклюжий выпад. Сейчас вы это сами увидите. Вынимайте шпагу!

- Стало быть, приезжий? Я так и думал. Ну что ж, молодым умирать легко. Как вас

зовут?

- Кавалер де Монтмор, а вас?

- Дон Луис де Каведо. Это вам о чем-нибудь говорит?

Мне показалось знакомым это имя, но он в это время обнажил свой клинок, так что думать было больше некогда. К этому времени кровь уже отошла от моей головы, первые бурные эмоции пропали, в то время, как у моего противника было все наоборот. Он явно куда-то спешил, и был очень раздосадован, что я встал у него на пути, поэтому должен был покончить со мной как можно быстрее. У меня также было очень мало времени, поскольку вокруг нас начала собираться толпа, и появление городской стражи не было бы неожиданностью. Мой противник, возможно, действительно выполнял какое-то важное поручение, так что для меня это приключение вполне могло обернуться тюрьмой. Поэтому лучшим выходом было бы закончить наш поединок как можно скорее. Я быстро перебрал в уме все свои коронные удары и остановился на паре из них.

Я решил не нападать первым, отдавая инициативу в его руки и готовя западню. Так и вышло. После неуклюжего обманного движения, не думая, что перед ним опасный противник в лице 18-летнего юноши, он кинулся вперед, сделав слишком глубокий выпад, метя мне в грудь. Я этого только и ждал. Прогнувшись, я увернулся от смертоносной стали, которая прошла совсем близко от моего колета, в то же время, сделав ответный выпад, я проткнул противнику ногу чуть выше колена. Это очень болезненный укол, поскольку он приходится в напрягшиеся мышцы. Каведо вскрикнул, выронил шпагу, схватился за ногу и упал. Убивать его я не собирался, и этого было вполне достаточно, чтобы проучить сеньора-торопыгу. Теперь у меня было время разглядеть этого субъекта. На вид ему было лет тридцать, одет он был во все черное, борода, усы, ничего необычного. Но где же я слышал его имя?

- Думаю, что теперь у вас будет время поразмыслить над тем, что не стоит толкаться, когда куда-то спешишь, - сказал я, отсалютовав ему своим клинком, повернулся на каблуках и пошел как можно быстрее. Это было нужно для того, чтобы избежать патруля стражи, которая наверняка уже была извещена, и спешила к месту поединка.

- Ты еще пожалеешь, молокосос, что встал у меня на пути! - услышал я за своей спиной. Но я не стал оборачиваться и быстро скрылся.

Я был весьма доволен собой, что так ловко и быстро проучил грубияна... Но что он там говорил на счет службы короля? А вдруг он действительно спешил по делу, а я помешал ему выполнить свой долг? Может это было королевское поручение, может он ловил шпиона, а может... Все равно, нельзя вести себя грубо с дворянином. Как бы там ни было, это будет ему хорошим уроком. Все-таки я ловко его наколол. Сам виноват, что сделает такой неуклюжий выпад. Неужели он думал, что я совсем не умею держать шпагу. Вот и был наказан, мерзавец.

С этими мыслями я подошел к гостинице и поднялся в свою комнату. Николаса еще не было, поэтому я бросился на кровать и предался грезам о конечной точке своего путешествия - Новом Свете. Затем я вытащил письма отца и стал перечитывать их. Отец писал, что остров Эспаньола, куда его назначили командующим всеми военными силами, имеет плодородные почвы и лежит в тропическом климате, поэтому там можно собирать урожай два раза в год. Что это место редкой красоты, и что если бы не комары, которых там называют москитами, и местные разбойники, имя которых буканьеры, то Эспаньола могла бы стать настоящим раем на земле. Там легко разбогатеть выращивая на плантациях сахарный тростник или табак, не говоря уже о редких породах деревьев, которые так ценятся в Европе...

Перечитывание посланий отца неожиданно было прервано появлением моего камердинера Николаса.

- Я все разузнал, и принес кучу ужасных новостей, господин, - сказал он. - Во-первых, тут не принято путешествовать на лошадях, и даже самые знатные сеньоры предпочитают обыкновенных мулов. Почтовые кони используются лишь для перевозки писем и королевских гонцов. Так что если мы хотим попасть в Мадрид, то нам придется нанять три мула с погонщиком. И такая поездка только до Мадрида займет не менее десяти дней. Кроме этого, на пути в Севилью нам придется преодолеть горы Сьера-Морена, кишашие шайками разбойников. И самое неудобное, что нам придется всю провизию вести с собой, поскольку в постоянных дворах, как и в здешнем паршивом приморском городке, королевским указом не разрешается трактирщикам кормить путешественников своими продуктами. Видите ли, чтобы избежать слишком высоких цен. Это, не говоря об ужасных условиях проживания в придорожных дворах, где как мне рассказали, отсутствуют приличные постели, но присутствуют грязные тюфяки и матрасы, кишашие блохами и клопами. И самое главное - сейчас в городе разыскивают

Максим Жаров. "Испанское море"

Автор: Максим Жаров
20.10.2006 17:39

некого французского шпиона, который ранил в ногу начальника местной полиции, и скрылся. Все приметы совпадают с вашими: светлые волосы, голубые глаза, прямой нос, рост, одежда... Надеюсь вы не дрались сегодня ни с кем?

- Мой милый Николас. Зачем такие волнения. Скажи лучше, ты нанял хотя бы мулов?

- Конечно, - сказал встревоженный слуга. - Только и вы, пожалуйста, успокойте меня. Надеюсь, это не ваша удалая шпага продырявила сегодня этого баска?

- К твоему сожалению, Николас, я должен признаться - моя.

- Я так и знал! Я сразу узнал ваш почерк, увернуться от первого же выпада и поразить в ногу неприятеля...

- Но разве не ты учил меня этому?

- Учил, учил, на свою голову.

- Ну, так я, так и сделал, как ты учил: если не хочешь убивать, то сделай, чтобы противник не смог двигаться.

- Да, но это начальник полиции этого проклятого Бильбао...

- Бильбао, мой друг, Бильбао.

- Какая разница. Сейчас уже все ищут вас, и я не знаю, смогут ли они найти в этой

стране какого другого приезжего со светлыми волосами и голубыми глазами, как у вас... Скорее всего, нет, и нас непременно схватят и повесят как французских шпионов.

- Если так, то давай быстрее продолжим свое путешествие, и поскорее пересечем эту неприветливую Испанию.

- О Боже, о чем вы думаете. Мы же всем в гостинице рассказали, куда мы направляемся. За нами точно пошлют погоню и обязательно схватят, не завтра, так через день или два. Не думаете же вы, что полиция не поверит рассказам хозяина гостиницы. Нет, тут нужно действовать по-другому.

- Тогда давай пойдём в порт и наймем...

- Нет, господин, и этого делать нельзя. В порту наверняка уже все предупреждены...

- Откуда ты можешь это знать?

- Я же не раз ходил вместе с вашим отцом в тыл к врагу, и помню на своей шкуре, как разыскивают шпионов. Нет, тут нужно действовать по-другому. Давайте отправимся на запад вдоль побережья до Сантандера, а уж оттуда уплывем либо в Вест-Индию, либо в Севилью. В море-то уж нас искать не будут.

- Это похоже на трусость, Николас.

- Что значить трусость, когда вы проткнули ногу начальнику полиции, который был при исполнении. К тому же относитесь к этому, как к военной хитрости. Прошу, господин, послушайте старого слугу, хоть раз.

Ну что мне было делать. Я, конечно же, согласился с доводами Николаса и мы, расплатившись за постой, влезли на мулов, сказав что торопимся в Мадрид, а сами сделав крюк двинулись караваном на Сантандер. Всего четыре мула: местный погонщик-проводник, мы с Николасом и наши вещи.

Столь медленно я никогда не ездил. Наша дорога растянулась на три дня. Дорога лежала между Катрабрийскими горами и северным побережьем Бискайского залива. Жара, пыльные дороги, невыносимые песни нашего погонщика, убогие постоянные дворы, скудная пища... Все это приводило меня в бешенство, поэтому у меня стало складываться весьма нелицеприятное представление об Испании, родине моего отца и моих предков по мужской линии. По сравнению с процветающей Фландрией это была настоящая выжженная пустыня. Хотя потом отец и говорил мне, что я еще не был в Арагоне, где кроме камней нет ничего. Словом, если бы не маленькое приключение по дороге, благодаря которому я немного встряхнулся, все было бы ужасно. Я говорю о нападении разбойников. Это было где-то под Сантандером. Мы и раньше встречали толпы нищих, которых в этой стране больше чем в других, но эта ватага была еще со шпагами. Одетые в лохмотья, они гордо заявили, что являются благородными астурийскими идальго, ходившими на богомолье в Сантьяго-де-Кампостеллу, и что им нужны наши деньги и наши мулы, чтобы вернуться домой. К тому времени я был уже настолько разозлен ужасными условиями нашей поездки, что восхвалил Господа, пославшего мне утешение в дороге. В то время, как наш погонщик начал причитать и молиться, Николас инстинктивно постарался поближе подъехать к мулу с нашими пожитками, где лежали и пистолеты, я сразу спрыгнул с этого ужасного животного под названием мул.

- С радостью отдам вам все, включая жизнь, - сказал я, вынимая шпагу, и становясь в позицию. - Лучше умереть от клинка благородного идальго, нежели далее терпеть тяготы путешествия по вашей стране.

Мои слова привели в замешательство семерых людей в обносках, непонимающе смотревших на меня, даже не вынувших шпаг из своих ножен. Я же не стал ждать, и словно перед мной были те самые блохи, которые всю ночь терзали мое тело в постоялом дворе, я атаковал растерявшегося противника. Пару грозных выпадов было достаточно, что бы эти нищие идальго, лишь для вида оказавших небольшое сопротивление, пустились наутек. В остальном же, это была самая худшая и ужаснейшая дорога в моей жизни. Только на третий день мы прибыли в Сантандер, где сразу же поехали в порт и договорились до перехода в Севилью. По просьбе Николаса, гостиницу мы снимать не стали, и переночевали на судне, которое утром отходило в море. Может быть поэтому, мы избежали неминуемой погони, а может быть, ее просто не было, но теперь это уже не имеет значения. Во всяком случае, блох мы тоже избежали.

Не хочу описывать плавание вдоль побережья Испании, а потом Португалии, но хочу сказать, что закаты в Галисии очень впечатляющи. Солнце садится прямо в океан, производя невероятные световые эффекты.

- Римляне, которые приходили эту страну, были поражены теми картинами, которые производят лучи солнца в Галисии на закате, - рассказывал нам разговорчивый шкипер.
- Говорят, что это они первыми увидели тех великанов, с которыми потом сражались все герои наших рыцарских романов.

- Кто, например? - неосторожно задал я вопрос.

- Как, молодой сеньор не знает? Да хотя бы наш прославленный Дубас...

Я решил не расспрашивать, кто это, чтобы не показывать свою неосведомленность, хотя и на всякий случай запомнил имя, чтобы впоследствии наверстать упущенное.

Мы плыли, плыли и плыли, давая большой крюк, чтобы не встретиться с португальскими корсарами. Солнце, небо, закат, все было прежним, если не считать разговоров.

- Эти португальцы - словно кость в горле у нашего короля, - говорил шкипер. - Раньше мы считались почти одной страной, хотя, эти каналы, всегда ставили себя особняком. Это и понятно, ведь они были отдельным государством, пока наш король Филипп не женился на их принцессе Марии, и не присоединил их к себе в феврале 1580 года. Но никому тогда не казалось это слишком страшным, поскольку почти вся Испания состоит из разных стран и провинций со своим местным законодательством и кортесами. Зато в то время мы стали по-настоящему велики, но эти португальцы все равно продолжали считать себя отдельной страной. Они хотели сохранить монополию в торговле со своими колониями. И в то же время, хотели чтобы испанский флот защищал их интересы больше, чем свои. Надо же, какая глупость.

- Ну, а что король? - спросил я.

- Что король... Каталония, которая входила в королевство Арагон, хорошо помнила свои старые законы, и не хотела принимать кастильские. Вот и вышло, что первым удар всему единению Испании нанесли земли именно арагонской короны.

- А что это за земли? - еще раз неосторожно спросил я.

- Послушайте, молодой сеньор, я не собираюсь вам читать тут курс саламанского университета, если вы не в своем... то подчерните не хватающие данные из книг, и не отвлекайте честных людей от рассказа о войне между Испанией и Португалией... Причем тут, арагонские земли? Да при всем! Если бы не они, то Португалия никогда бы не смогла отделиться от Испании...

- Почему? - наконец сказал мой Николас, после того, как я стал усиленно толкать его локтем.

- Как почему? Да, похоже, вам фламандцам и дела нет, что тут творится...

- Также как вам, испанцам, нет дела, что творится в Нидерландах, - отпарировал мой слуга. - Нет, чтобы разобраться в сути, вы с плеча... А потом, силенок-то не хватило?

- Ты что же это, плавник старый, против политики нашего короля?

- Причем тут твои глупые речи, и политика нашего мудрого монарха. Да ты ее специально так искажаешь, чтобы бунт вызвать. Лучше рассказывай, да не отвлекайся.

- Да это ты меня, старый скрипучий такелаж, с толку сбиваешь. Слушай лучше, коли сам

не знаешь. Так вот, я и говорю, что как раз в то время, как кортесы арагонской короны, а особенно каталонские, решили отказать королю Филиппу в ведении новых налогов, португальцы тоже осмелели. Ведь в 1568 году умер дон Карлос, сын их королевы Марии и нашего короля Филиппа II. Значит, по их законам, престол оставался без наследника. А если учесть, что...

- Короче, давай. Не все такие умные, как ты, - сказал мой камердинер.

- Согласен, но разве стать чуточку осведомленной - это плохо? Так что, если не знаете, то извольте выслушать все до конца. Специально для вас опускаю все нюансы, и приступаю к главному. Вы, должно быть, знаете, что наш добрый король Филипп IV решил снова взять гегемонию в Европе в свои руки, и восстановить империю Карла V от моря до моря. Сначала все шло как по маслу, но потом война на несколько фронтов потребовала политических жертв. Вначале мы признали независимость Нидерландов по Мюнхенскому договору, потом решили разбить Францию. Казалось бы, удача вновь вернулась к нам, поскольку удалось отвоевать Каталонию в 1652 году, потом Дюнкерк, потом Рокруа. Но в это же время вспыхнуло восстание в Андалусии, в Севилье и Кордове, все из-за недостатка серебра из Нового Света.

- Куда же оно делось? Говорят, за океаном есть целая гора из чистого серебра.

- Есть-то она есть, да как его доставить серебро-то, когда на море хозяйничают целые флоты французских, голландских и английских корсаров. Словом, воевали мы сначала с Голландией, потом с немецкими протестантами, потом с Францией, и руки у нашего доброго короля до отсоединившейся Португалии никак не доходили. Но думаю, что скоро дойдут.

- Как Португалия отсоединилась, так и не рассказал...

- Да это все этот ваш слуга, осьминог старый, меня с толку сбивал. Это было в декабре 1640 года, когда герцог Браганса, имевший династические притязания, воспользовался ослабевшим положением короны и объявил независимость Португалии от Испании. Его короновали под именем Иоанна IV.

Подобные разговоры о политике, истории и экономике велись постоянно до прибытия в Севилью, которая в ту пору была воротами в Новый Свет. Там мы оказались ближе к полудню. Николас сразу заявил, что мне во избежание эксцессов лучше не сходить на берег, и даже взял с меня обещание, что я этого делать не буду.

- Послушайте меня хоть раз, молодой господин. Вам лучше остаться на корабле. Везде, где вы это делаете, ваш слишком шустрый клинок делает дырки в людях, и одному только Богу известно, почему у нас пока в связи с этим не было неприятностей. Как только я найду нужный корабль, я сразу приду за вами, и мы туда отправимся. Не нужно вам шастать по городу в поиске новых приключений. Их хватит и в Новом Свете. Вот сдам вас на руки вашему батюшке, пусть он и отвечает. За вашим клинком и так тянется кровавый след по всей Европе.

Словом, Николас мог говорить убедительно. Сам он отправился на рынок, закупить нам еды в дорогу. А я потомившись на палубе, и выслушав несколько вопросов о том, почему я не хочу прогуляться, решил, что не будет ничего плохого, если я пройду по сходам, и постою около них на твердой земле. Так я и сделал. Однако вскоре мне наскучило стояние, словно на привязи у своего корабля, и я решил поразмять ноги, прохаживаясь взад и вперед. Тут на наш корабль подвезли, и стали грузить разные тюки, очевидно товары, и я отошел, чтобы не мешать. Солнце припекало, и я перешел под навес, который был совсем рядом.

Порт Севильи жил своей гулкой жизнью. Подходили, уходили корабли, сновали лодки, сгружали, перегружали товары, о чем-то горячо спорили купцы, сновали приказчики, переписывая тюки и ящики. В это время солнце вошло в зенит и стало припекать еще сильнее. Хотя и был только май, месяц когда во Фландрии лето еще не вступало в свои права, но здесь было настоящее пекло, несмотря на то, что ветерок с реки и освежал немного. Я подумал было вернуться на борт нашего судна, которое называлось "Консепсьон", чтобы там спрятаться от жары, как вдруг увидел *esportillero*, мальчишку-разносчика, громко зазывающего всех страждущих утолить жажду лимонадом. Я пошел в его сторону, когда увидел как один кабельеро схватил другого за плач.

- Стойте, сеньор!

- В чем дело, любезный?

- Кажется, вы не слишком вежливы.

- Отнюдь.

- Уж не задираетесь ли вы?

- Если вам угодно.

- Угодно, здесь и сейчас.

И парочка сразу же перешла от слов к действию. Такого я у себя на родине не видел. Конечно у нас много дрались, и бывало на улицах, но чтобы поединок начинался на пустом месте... то есть я хочу сказать, без всякого повода... Между тем двое кабальеро выхватили шпаги и несмотря на жару стали орудовать ими с таким энтузиазмом, что меня, которого уже совсем разморило солнце, даже бросило в пот, глядя на них. Между тем противники сцепились не на шутку. Я же, как и положено приезжему, стоял открыв рот, наблюдая за бесплатным представлением, пока один из них не получил укол в грудь. Он покачнулся, но устоял, и, зажав рукой рану, продолжил. Через минуту он получил еще один укол, потерял равновесие, и, сделав несколько неуклюжих шагов, споткнулся со мной, и повис у меня на руках.

- Спасибо за честный поединок, - сказал победитель, отсалютовав шпагой, а затем уже обращаясь ко мне: - Надеюсь, юноша, вы позаботитесь о благородном идальго, с кем я имел удовольствие сразиться, и передадите ему мои благодарности за то, что он развеял мои грустные мысли. Надеюсь, я не убил его насовсем, ну а если это все же случилось, то упокой Бог его душу.

С этими словами он вытер клинок своим темно белым платком, вложил шпагу в ножны,

повернулся на своих красных каблуках и пошел прочь гордой походкой истинного испанца. Я же остался с его противником в обнимку. Когда я взглянул на раненного, он уже закатывал глаза, потом активно пустил кровь ртом и отдал Богу душу. Его смерть совсем не входила в мои планы, поэтому, мне оставалось только опустить тело на землю и снять перед ним шляпу. При этой сцене раскаявшегося грешника меня и застал патруль портовых альгвасилов.

- Сеньор, соблаговолите стоять на месте, назвать свои имена, и объяснить нам, что тут произошло, - крикнул издали мне их сержант.

После того, как я рассказал о том, что видел, командир дозора сказал, что я должен пройти с ним в караулку, для составления протокола и выяснения всех обстоятельств убийства.

- Но причем тут я? Разве никто больше не наблюдал этот поединок? Допросите их.

- Многие видели, сеньор де Монтмор, что некий кавалер напал на мертвого сеньора, но никто толком не может его описать. Зато у вас весь камзол в крови, что служит определенным доказательством.

- Не хотите ли вы сказать, что это я убил этого сеньора...

- Кто знает, кто знает...

В этот момент откуда-то донесся страшный крик, и пробив окружившую нас толпу влетел мой камердинер Николас. Он сбил с ног сержанта, выхватил из-за пояса пару пистолетов и закричал страшным голосом:

- Расступись канальи, не то пристрелю!

Окружавшие меня альгвасилы отпрыгнули в стороны словно кузнечики, а Николас схватив меня за руку, потянул за собой.

- Я так и знал, что вы снова влипните в историю, молодой господин. Стоит мне только отлучиться, как вы сразу начинаете проверять на практике свое умение в фехтовании. Ну скажите, зачем на этот раз убили этого сеньора? Скорее всего вам не понравилось его яркий плюмаж. Я тоже не одобряю подобные кричащие цвета, однако не считаю это поводом для поединка. Бежим скорее, мессир.

За нами постоянно слышался топот башмаков и крики стражников, пока мы не скрылись за какой-то оградой, и не оказались в каком-то дворе.

- Тут мы пока в безопасности, мессир, - сказал Николас. - Я все успел разузнать. В Испании любой преступник может укрыться в церкви, попросив убежища. Мы с вами сейчас находимся...

Запахавшиеся мы стали переводить дух и осматриваться. То, что нам открылось, совсем не напоминало церковные владения, хотя таковым и являлось. Некий огороженный цепями двор примыкал к главному кафедральному собору. И похоже на него действительно распространялась только церковная власть, поскольку представители правосудия не стали больше нас преследовать и убралась восвояси. Тут было довольно шумно, стояло несколько таверн, где играли в карты, дрались, богохульствовали, да и местных девиц легкого поведения было хоть отбавляй. Ругань, крик, смех не смолкали ни на мгновение. Царило какое-то сумасшедшее веселье, поскольку кругом шла игра. Под остервенелую божбу кидались кости, металась карты, лилось вино, звенели деньги. Словом его величество азарт царил тут в полную силу.

- Я вижу вы тут новенькие, - сказал некий скрипучий голос. - Добро пожаловать в *Corral de los olmos*

.

Это был мерзкого вида вонючий беззубый оборванец, у которого, однако на поясе

висела ржавая рапира. Он нагло осматривал нас с ног до головы, при этом противно улыбаясь. При его виде моя рука инстинктивно потянулась к эфесу шпаги. Неужели опять придется драться. Николас прав, я просто притягиваю к себе подобные приключения. И вот опять...

- Это напрасно, сеньор. Ваша изумительная шпага вам не понадобится. Я с совершенно мирными намерениями. Разрешите представиться, благородный идальго из Галисии дон Франсиско Луис де Арсуа-Гонсалес дель Примоточе, известный в этих местах, как Зубоскал, из древних христиан, чей род за много веков не запятнал своей крови родством с иудеями или маврами.

При этих словах он словно петух важно выставил одну ногу вперед, снял дырявую грязную шляпу с драным пером, и помахал ей перед собой, подметая грязную мостовую. Затем, нахлобучив ее назад, продемонстрировал причину своей клички, выставив напоказ то, что раньше возможно и называлось зубами, но сейчас было больше похоже на обломки темных галисийских скал, которые явно не дружили между собой, поскольку стояли особняком друг от друга.

- Я тут вроде главного можердома. Если у вас есть деньги, то я могу помочь, и рассказать, как лучше их потратить, организовать вашу жизнь, или хотя бы найти прачку, которая отстирает вашу одежду от крови. Вы надолго к нам?

Николас престал сжимать рукоятку кинжала, который был у него на поясе, а я в ответ попытался показать Зубоскалу, как должны на самом деле выглядеть зубы, после того, как тоже снял шляпу и назвал свое имя. Вскоре мы очутились в одной из маленьких таверн, находящейся во дворе Лос-Ольмос. Это был самый настоящий сарай, где стоял невероятный шум, перемешанный с гарью, запахом пота, вина и чеснока. Зубоскал уверенными шагами завсегдатая провел нас сквозь толпу к столу у окна, которое было распахнуто, и, заказав вина, стал выслушивать нашу историю по версии Николаса. Вино было так себе, но оно оказывало свое расслабляющее действие, поэтому все наши приключения были целиком поведаны можердому двора Ольмос.

- Я думал, сеньоры, у вас большие проблемы, раз дон Педро весь залит чужой кровью, но оказывается, их у вас и нет совсем. История на Аренале... я имею в виду то место, где пристают корабли... не стоит и скорлупы от ореха. Альгвасилы все уже, наверное, выяснили, и не станут вас преследовать по этому поводу. Ведь, как вы говорите, было

много свидетелей, которые видели поединок этих двух кабальеро. Но вот ранение при исполнении начальника альгвасилов в Бильбао... Обычно такие вещи не прощаются. Скорее всего, на вас уже подали в розыск по всей стране. Ведь вы не скрывали, что намерены отправиться в Западные Индии, а это можно сделать только из Севильи. Скорее всего, ваши описания и приметы уже известны всем альгвасилам города. Это у них быстро делается. Почта работает хорошо. К тому же вы уже засветились. Думаю, что только стоит вам появиться в порту, как вас схватят.

- Но что же делать? Я уже договорился с капитаном и с помощью носильщиков, отнес вещи на корабль..., - почесав затылок, сказал Николас, с надеждою посмотрев на Зубоскала.

- Я помогу таким приятным сеньорам, как вы. Провожу вас в порт и посажу на корабль. Не безвозмездно, конечно. Нужно только дождаться темноты. Значит, ваше судно называется "Feliz Navidad". Я узнаю, где оно стоит, и как лучше всего к нему подобраться. Дам знать капитану. А уж там вы сами разберетесь. На судне всегда прячут контрабанду, когда флот пойдет в Западные Индии, и вас спрячут. А флот, между прочим, отходит завтра. Так что альгвасилы искать вас будут, это уж точно. Ожидание ночи в этом вертепе длилось для нас довольно долго, пока мы были вынуждено пребывать среди отбросов общества. Мы выпили много прохладительных напитков, которые так любят испанцы, включая апельсиновые и клубничные, обильно продаваемые повсюду *esportilleros*, то есть разносчиками штучного товара или *buhoneros*, бродячими торговцами. Там в Севилье я впервые осознал, что если есть деньги, то можно хорошо устроиться даже в таких притонах, как этот, или как их называют испанцы *garitos*. Это было моя первая встреча с дном жизни. До этого она размеренно текла во Фландрии, где нет этого особого сословия, называемого в Испании "пикарос", среди которого я сейчас находился. Тут были карточные игроки-профессионалы *tahures*, которым большие специалисты *fullero* продавали крапленые колоды. Прохаживались, ждя наступления темной ночи совершенно мрачные личности *capeadores*, занимающиеся тем, что срывали плащи в темные переулках с добропорядочных граждан. Были и откровенные бандиты с большой дороги *salteadores*, и наемные убийцы *matones*, и разного рода авантюристы *valentones*, также любящие вместо лишних слов пускать в ход свой клинок. Всем им помогали скрашивать время многочисленные женщины легкого поведения разного уровня от *gamera* и *cantonera*, предлагавших себя на улице, до более высших каст, например *dama de acaque*, выдающих себе за добропорядочных буржуа.

Стало смеркаться, как вдруг неожиданно на улице заиграла музыка, и почти все сидевшие в кабачке поспешили к дверям. Нужно заметить, что танец для испанцев - это национальная страсть. Обучаясь в колледже для благородных подростков в Брюсселе, я выучился аристократическим испанским танцам, которые танцевались в ту пору в

салонах: паване, бранле и аллеманде. Но их размеренные и плавные движения совсем не были похожи на то неистовство под гитару, тамбурины и кастаньеты, что я увидел тогда в Севилье. Танцевала юная девушка с распущенными длинными вьющимися волосами. Постепенно ее экспрессивные движения потеряли всякую скромность и сдержанность. Во время ее прыжков оголялась грудь, ноги и даже то, что по природе и по искусству должно всегда оставаться прикрытым. А ее провоцирующие взгляды могли зажечь любого мужчину. Ее манера поворачивать голову, а потом встряхивать копной волос, приводили в неистовство собравшуюся толпу, особенно когда она шла широким шагом по кругу, тряся оголенными плечами.

- Что это за танец? - спросил я Зубоскала.

- Чакона, - ответил он, весело притоптывая в такт ногой и щелкая пальцами.

- А кто эта девушка?

- Альдонса, - прокричал завсегдаятай двора Лос-Ольмос благородный дон Франсиско Луис де Арсуа-Гонсалес дель Примоточе.

Вдруг музыка оборвалась, публика закричала, захлопала в ладоши, и стала кидать танцовщице монеты. Я был настолько поражен увиденным, что так и остался стоять с окаменевшим лицом, и, наверное, с открытым ртом.

- Ну, а вы сеньор. Вам не понравилось?

Эти слова вывели меня из оцепенения. Это черноволосая невысокая девушка, во всей своей дикой красоте стояла передо мной, и наклонив голову лукаво протягивала мне свой тамбурин, наполненный мелочью. В ее карих глазах горели искорки чертенка, а почти открытая грудь вздымалась после танца.

- Вот возьми, - сказал Николас.

Я продолжал стоять. Она хохотнула и пошла дальше.

- Мне пришла одна интересная мысль, как проникнуть на корабль, - вдруг сказал Зубоскал. - Вам, сеньор нужно переодеться в женщину, и тогда все проблемы будут решены. Под вуалью никто из альгвасилов и не заподозрит, что вы мужчина.

Делать было ничего, и я согласился. Через некоторое время появилось платье, и вот уже я в сопровождении Зубоскала и Николаса, надевшего мою шпагу, и несущего узел с моей одеждой, шел по улице Головы короля Педро, потом по улице Ломпады. Уже совсем стемнело, когда мы через Аббатский и Сапожный переулки, где все дома были с плоскими крышами, вышли к маленькой площади под чудным названием Барабан, а от нее по пустынной Речной улице пришли к Ареналу. Несмотря на поздний час, там было многолюдно и шумно. Горели костры и воткнутые в землю факелы, между которых сновали грузчики, заноса последний товар на корабли флота, который должен был утром покинуть Севилью и отправиться через океан к берегам Нового Света.

Зубоскал оказался прав, и альгвасилы, стоявшие у сходень каждого корабля, не обратили на меня никакого внимания. Николас расплатился с нашим проводником, который напоследок пожелал прекрасной сеньоре (то есть мне) приятного плавания, и мы беспрепятственно поднялись на борт корабля, шедшего в Западные Индии с товарами для наших колоний.